

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ЧАСТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «РУССКАЯ
ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ»**

**КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ, БОГОСЛОВИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
МАГИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА: «МИСТИКО-ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ»**

Направление подготовки 47.04.03 — Религиоведение

**ДИССЕРТАЦИОННАЯ РАБОТА
на соискание степени магистра религиоведения**

МИСТИЦИЗМ В ВЕРЕ БАХАИ

Соискатель Пичугин Игорь Георгиевич

« 27 » октября 2017 г.

ДОПУСКАЕТСЯ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой
Доктор философских наук
Профессор

Научный руководитель
Кандидат философских наук
Доцент

_____ Прилуцкий А.М.

_____ Пахомов С.В.

« ____ » _____ 2017г.

« ____ » _____ 2017 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. МИСТИЦИЗМ — ОБЛАСТЬ ПОНЯТИЙ	6
1.1. Историческое развитие термина	6
1.2. Описание феномена мистицизма.....	9
1.3. Мистика, мистицизм и мистический опыт. Оккультизм.....	10
1.4. Мистическое чувство и опыт	12
1.5. Мистицизм в эзотеризме. Неомистицизм	13
1.6. Место мистического пути в религии	16
Глава 2. ВЕРА БАХАИ	20
2.1. Центральные фигуры и организационная структура.....	20
2.2. Основы вероучения и авторитетные тексты.....	21
2.3. Наименование и место в классификациях религий	22
2.4. Контекст возникновения веры бахаи. Особенности мистических учений, существовавших в Иране в середине XIX века	23
2.5. Историческая оценка роли мистицизма в вере бахаи.....	26
Глава 3. МИСТИЦИЗМ В ВЕРЕ БАХАИ	29
3.1. Взгляд на религию бахаи как на рациональную религию	29
3.2. Предпосылки возникновения мистицизма бахаи	31
3.3. Бог и путь человека к Нему	32
3.4. Явители Божественной Воли как Дверь к Божественному	36
3.5. Концепция Единственности и Единства Бога как освобождение от материального	39
3.6. Достижение подлинной свободы как путь познания Бога	43
3.7. Совещание как форма духовного аскетизма	45
3.8. Община бахаи как мистическое сообщество	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	49
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	50

ВВЕДЕНИЕ

С конца XX века на постсоветском пространстве тема религиозности и духовного самоопределения в её различных формах стала вновь актуальной. Исследований на тему религий с долгой историей, насчитывающих тысячелетия, существует великое множество; исследований же на тему молодых религий не так много. Тем не менее, они занимают свою нишу, оказывая воздействие на умы и сердца людей, определяя их поступки и мысли. К их числу относится вера бахаи, число последователей которой во всём мире составляет несколько миллионов человек и которые занимают активную позицию в жизни общества.

До сих пор существует путаница на тему мистической составляющей религии. Этот предмет не прост для изучения, а само понятие часто используется спекулятивно, без строгого научного понимания. Массовое сознание активно воскрешает и придаёт новые смыслы данному феномену. Он существует как в рамках традиционных российских конфессий, так и небольших эзотерических организаций. Тема мистицизма в связи с этим имеет отдельное значение, интерес к ней стабилен и глубок. Осознанно или нет, он определяет мышление миллионов людей. Мистицизм пронизывает и связывает ощущения человека с его местом в мироздании, с его предназначением и поиском смысла бытия.

Вера бахаи, возникшая в середине XIX века, всегда считавшаяся в религиоведческих исследованиях достаточно рациональной религией, помимо своей социальной направленности, обладает богатым и красивым корпусом мистических текстов, собственным взглядом на путь человека к Богу и опыт личного общения с Ним. Попытка очертить границы феномена мистицизма бахаи, или мистицизма в вере бахаи оказывается, таким образом, необходимым этапом на пути исследования различных иррациональных мотиваций человека современного.

Необходимо отметить, что тема мистицизма бахаи не изучена в отечественном религиоведении. Нам не удалось найти ни одной российской или русскоязычной работы на эту тему. В западном религиоведении на эту тему писали американские, итальянские и немецкие исследователи Муджан Момен в работах «Мистицизм и община бахаи», «Психология мистицизма и её отношения с верой бахаи», Лерой Джонс «Знание, подтверждение и мистическое сердце: Скрытая сущность Божественного Слова», Джулио Сави в работе «Вера бахаи и извечный мистический вопрос: западный взгляд», Кавиан С.Милани «Мистические измерения Административного Порядка бахаи» и ряд других авторов. В целом, тему можно назвать малоизученной, и ввиду этого ещё более достойной внимания.

Объект исследования — это вера бахаи, как религиозная традиция в единстве её психологического и культурного аспектов. Предметом исследования, находящимся в рамках междисциплинарных исследований, является мистицизм в вере бахаи. Данная работа опирается, прежде всего, на тексты самой религии и стремится изучить основные понятия, представления и направления развития мистицизма бахаи как феномена. В этой работе мистицизм бахаи рассматривается как с позиции онтологических оснований для религии в целом, так и как целостная парадигма мышления, свойственная бахаи.

Цель работы состоит в исследовании основ и специфики мистицизма в религии бахаи, для достижения которой было поставлено несколько задач:

1. Очертить облако понятий мистицизма, выявить основные моменты, важные для исследуемой темы;
2. Определить взаимосвязи между понятиями мистицизма, неомистицизма и оккультизма;
3. Выявить место мистического пути в религии и роль мистической составляющей в вере бахаи;
4. Описать основные положения религии бахаи и религиозно-мистический контекст возникновения самой религии;

5. Рассмотреть историческую значимость мистицизма в вере бахаи и различные взгляды на этот феномен;
6. Исследовать основные элементы личного мистического пути бахаи и концепции, связанные с ним
7. Исследовать общину бахаи относительно её роли в мистическом пути человека к Богу

Методологической основой исследования являются принципы системно-структурного анализа текстов, сравнительно-исторический и эссенциалистский подход, анализ сходства и противоречия мнений различных исследователей.

Исходным пунктом и эмпирической базой исследования в первой и второй главах исследования являются — мистицизм как таковой, а также вера бахаи в общем и касательно терминов и понятий, имеющих отношение к области мистицизма. Эмпирической базой исследования в третьей главе исследования — является мистицизм бахаи, как самостоятельно, так и в сравнении с мистицизмом других религий и эзотерических движений.

Основа исследования – это анализ писаний веры бахаи, касающихся мистических аспектов этой религии, концепций и идей, разделяемых официальными институтами бахаи, и совокупности научных исследований на эту тему.

В процессе исследования, мы разделяем методологию и принципы Фридриха Хайлера. Их суть заключается в том, что адекватное проникновение в истину религиозных течений невозможно без трёх компонентов: *внимания к деталям, погружения в сердцевину и видения религий в их совокупности.*

В своих работах Фридрих Хайлер ставит вопрос о профессиональной пригодности и задачах религиоведа. В частности, он говорит: «... без нравственного чувства нельзя заниматься этикой, не умея воспринимать искусство — искусствоведением, без любви к истине — философией, также без религиозности в широком смысле слова — религиоведением»¹. Мы разделяем данную точку зрения, подчёркивая право каждого религиоведа иметь сопричастное отношение к рассматриваемым вопросам. Лишь сочетание эмического и этического подхода может гарантировать чуткое понимание предмета с одной стороны и честность в трансляции научного подхода к изучению религии с другой.

Хайлер говорит о том, что «в религии речь идет не о каких-то повседневных вещах или курьезах, а о Жизни и Смерти, о Последнем и Высшем, о Вечном»², поэтому религиовед должен всегда держать у себя в голове библейские слова, сказанные Богом Моисею: «Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая»³. Искренняя любовь к праву различных людей на их убеждения, глубокий интерес к различным религиям, деноминациям и уважение ко всему разнообразию религиозного опыта должны быть неотъемлемыми качествами религиоведа или эзотериолога — так же как чувство вкуса в искусствоведении не рождается без любви к искусству, а успешный биолог немислим без страсти к познанию живых созданий и закономерностям их развития.

Эти чувства помогают «исследователю терпеливо относиться к слабостям и несовершенствам как отдельных верующих людей, какую бы роль в религии они не играли, так и различных религиозных сообществ, чьи установки расходятся с мировоззренческими принципами религиоведа», — утверждает исследователь творчества Фридриха Хайлера Самарина⁴.

Отец-основатель современного изучения мистицизма Уильям Джеймс сравнивал изучение религии с изучением государства, которое будучи единым объектом, одновременно

¹ Heiler F., Erscheinungsformen und Wesen der Religion. Stuttgart, 1961, P. 17

² Ibid.

³ Исх. 3:5.

⁴ Самарина Т.В. «Методологические основы религиоведческого исследования в концепции Фридриха Хайлера». — Вестник ПСТГУ. — № 1(45), 2013 — стр. 57

есть множество его значимых составляющих. Аналогичный подход Хайлера таков, что только комплексное восприятие религиоведом этнологического, психологического, филологического, психологического, философского и сравнительного восприятия религиоведения даст достаточно взвешенный результат. К этим пунктам мы готовы добавить социологический и мистический аспекты религии. По Хайлеру, не должно быть ложной дихотомии между редукцией религии у натуралистов и антиредукционистским подходом у феноменологов религии – всё должно оцениваться и взвешиваться на весах строго индуктивного метода, хороших знаний истории, знания священных текстов и языков, на которых они написаны и личного общения с последователями религий, особенно их авторитетов, если это возможно. А особенная задача религиоведа — держать перед глазами совокупность религий и конфессий, только тогда он сможет проникнуть в тайну конкретной, изучаемой им религии. При этом сверхзадача религиоведа — продвижение к «ядру религиозного опыта», к сути религии, а не её внешней оболочке.

Компаративистский (сравнительный) подход, в целом поддерживаемый Хайлером, позволяет нам исследовать научными методами такой иррациональный вопрос как мистицизм в целом, и в вере бахаи в частности: выявить в нём внутренний смысл и значение, очертить некие параллели в мистицизме бахаи с другими религиями; он позволяет выделить особенности, присущие только мистицизму бахаи. В то же время критика данного метода говорит о риске необоснованного сравнения; подходе, когда одна религия ставится в положение «заимствующей» у другой на основании исторического старшинства; и подходе, когда одна религия по предпочтениям исследователя ставится выше другой. Мы постараемся избежать данных изъянов и быть объективными.

Диссертационная работа, с точки зрения структуры, представляет собой введение; главу «Мистицизм — область понятий», в которой рассматривается мистицизм в целом и его особенности в связи с изучаемой темой; главу «Вера бахаи», которая исследует особенности вероучения, которые важны для понимания его мистической составляющей; и главы «Мистицизм в вере бахаи», которая анализирует собственно мистическую основу этой религии; заключение и список литературы. Главы подразделяются на 19 параграфов, список литературы включает 95 наименований, включая иностранные источники. Он состоит из источников самой религии, относящихся к выбранной теме, и исследовательской литературы.

Глава 1. МИСТИЦИЗМ — ОБЛАСТЬ ПОНЯТИЙ

1.1. Историческое развитие термина

Феномен мистицизма — явление, которое присутствует во всех мировых религиях, а также являющееся предметом пристального изучения в эзотеризме. Что есть мистицизм — вопрос не праздный и не поверхностный. Его признаки были очерчены неоднократно, но определить — значит ограничить, а это не сочетается с тем облаком смыслов, которое содержит в себе этот феномен. Было предложено множество определений мистицизма, но до сих пор нет признанного и непротиворечивого. Мистицизм можно рассматривать как в узком смысле, так и в широком. Как в высоком, так и в низком. Несмотря на интуитивную понятность термина, при попытке строгого научного определения само понятие мистицизма приобретает смутный и в высшей степени нестрогий характер. Исследователь исламского мистицизма, профессор Ан. Шиммель сказала, что «писать о суфизме ... — задача почти невыполнимая. С первого же шага перед глазами путника предстаёт обширный горный хребет, и чем дальше продвигается путник, тем более трудным представляется ему достижение цели⁵».

При всём обилии путей, которые есть в каждой религии, мистический путь всегда вызывал особенный интерес. Особенно сильно в массовом сознании эта тенденция наметилась в последней четверти XX века. В современных работах существует тенденция помещать мистицизм в русло эзотерического знания или оккультных практик, что отчасти обусловлено контекстом использования этого термина в массовой культуре. Тем не менее, сам термин восходит к античности и имеет греческие корни, от др.-греч. μυστικός — таинственный. Это слово в свою очередь происходит от μύσσειν, что означает «закрывать глаза» и напрямую связано с понятием «духовного зрения», или «духовного видения». Мистики во всех религиях пытаются приоткрыть одну и ту же божественную тайну — тайну, сокрытую как изнутри, так и снаружи.

Исследовательская традиция изучения мистицизма восходит к Фридриху Шлеермахеру и Уильяму Джеймсу, к числу классических можно также отнести фундаментальные труды Рудольфа Отто и Эвелин Андерхилл. Работы данных авторов позволили сформировать основные понятия и подходы к феномену мистицизма и не потеряли своей актуальности по сей день. Исследования феномена исторически обозначили несколько подходов. Первый подход — это «эссенциализм» У.Джеймса, О.Хаксли, Д.Б.Пратта, Э.Андерхилл и У.Т.Стейса которые относились к мистицизму как к универсальному вневременному феномену, не зависящему от культурных и религиозных традиций. Андерхилл выступала против исторического подхода, говоря, что «мистицизм имеет дело не с индивидом, каким он предстаёт по отношению к цивилизации своего времени, но с индивидом в его отношении к истинам вневременным»⁶, а Джеймс утверждал, что все мистики «не имеют ни дня рождения, ни родины»⁷. Пратт высказывался о том, что мистикам свойственны два утверждения — о невыразимой природе опыта и об абсолютной уверенности в сознательной связи с чем-то большим, в этом смысле «они говорят на одном языке и исповедуют одну веру»⁸.

⁵ Шиммель А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Рапопорт. 2-е изд. испр. и доп., — М. : Садра, 2012 – стр.13

⁶ Андерхилл Э. Мистицизм. Опыт исследования природы и законов развития духовного сознания человека. — Киев. София, 2000

⁷ Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Пер. с англ. В. Г. Малахеевой-Мирович и М. В. Шик - М. : Наука, 1993

⁸ Pratt J.B. The psychology of religious belief. N.Y.: The Macmillan Company, 1907. P. 72, 163, 226–227, 304.

На смену эссенциализму пришли несколько других подходов. К.ф.н. Ю.А.Степанчук в своей работе «Основные понятия мистицизма: опыт философского исследования» предлагает обозначить как *компаративистский* подход, который использовали Р.Зенер, Д.Судзуки, Н.Смарт и Дж.Парриндер. Данные исследователи уделяли в своих трудах большое значение типологизации различных форм мистицизма и сравнительному анализу западных и восточных практик и доктрин⁹. Другой отечественный исследователь, к.ф.н. Т.В.Малевич в большой статье «Философия религии о мистическом опыте: дилемма эссенциализма и конструктивизма» ссылается на американских учёных Р.Формана и Дж.Андерсена, которые считают, что исследования в области мистицизма находятся в состоянии «методологической войны», которую объявил эссенциализму конструктивизм.¹⁰

Сторонник первого подхода Уолтер Стейс уподоблял мистический опыт чувственному восприятию, выделяя в нём «данное» - общее ядро мистических переживаний и «интеллектуальную интерпретацию»¹¹. В сущности, его подход нашёл применение в самом удобном и популярном для исследователей определении мистики и мистицизма С.С. Аверинцева: «Мистика – религиозная практика, имеющая целью переживание в экстазе непосредственного единения с абсолютом, а также совокупность теологических и философских доктрин, оправдывающих, осмысливающих и регулирующих эту практику [*т.е. непосредственно мистицизм – И.П.*]»¹². Стейс говорил, что мистики утверждают универсальную доступность мистических переживаний, поскольку любой нормальный человек может достичь и верифицировать у себя «чистый» мистический опыт посредством определённого образа жизни и выполнения предписанных практик. Это значит, что всегда можно отличить «данное» от «интерпретации».

Такой подход подвергся критике в 1970-х годах. Историк иудаизма С.Кац утверждал, что мистический опыт изначально опосредован понятиями и интерпретациями самого человека, а значит, что не может существовать ни чистого опыта, ни общего «ядра» мистических переживаний. Кац утверждал, что сам язык контекстуален, и слова, которыми описывают опыт, не говорят о том, что одинаковые описания свидетельствуют об одинаковости опыта¹³. Из чего делается вывод о том, что мировоззренческие предпосылки имеют значение, т.е. опыт индуиста, даже выраженный в похожих на опыт христианина выражениях будет отличен от него. Уходя в подобные логические рассуждения всегда есть опасность потерять за ними сам предмет исследования. Так дальнейшие конструктивисты начинали утверждать, что сравнительное изучение мистических опытов невозможно, а мистицизм является абстрактным понятием (К.Келлер¹⁴), что мистицизм является иллюзией и ложной категорией, искажившей важный аспект религии (Х.Пеннер¹⁵), а сам мистический опыт – это просто психосоматическое увеличение религиозных верований (Р.Гимелло¹⁶).

Последнее утверждение пересекается с позицией раннего психологического подхода к исследованию мистицизма, который пытается редуцировать этот феномен к страху перед

⁹ Степанчук Ю.А. Основные понятия мистицизма опыт философского исследования. – Дисс. раб. на соискание уч. степ. канд. философ, наук. – М., 2003.

¹⁰ Малевич Т.В. Философия религии о мистическом опыте: дилемма эссенциализма и конструктивизма. — Философия религии: альманах. — М., 2013. — Институт философии Российской академии наук, стр.26-61

¹¹ Stace W.T. *Mysticism and philosophy*. L.: Macmillan, 1960. P. 15, 31–35, 153.

¹² Аверинцев С.С. Мистика // Философский Энциклопедический словарь.— М.: Наука, 1983

¹³ Katz S.T. *Language, epistemology, and mysticism // Mysticism and philosophical analysis / Ed. by Katz S.T. N.Y.:* Oxford University Press, 1978. P. 26, 59.

¹⁴ Keller K.A. *Mystical literature // Mysticism and philosophical analysis*. P. 78, 96–97.

¹⁵ Penner H.H. •The mystical illusion // *Mysticism and religious traditions/ Ed. by Katz S.T. Oxford: Oxford University Press, 1983. P. 89.*

¹⁶ Gimello R. *Mysticism in its contexts // Mysticism and religious traditions*. P. 85.

внешним миром и жажде любви или признания (Д.Лейба¹⁷), или объяснить его регрессом к первичным младенческим переживаниям (З.Фрейд). С подачи Зигмунда Фрейда в лексикон исследователей вошло понятие «океанического чувства», которое описывает недифференцированность восприятия себя и внешнего мира в момент мистического опыта — состояния одновременно всемогущества и зависимости, «счастливой беспомощности, когда сила, большая чем он сам, но растворяющая его в себе, держит его, как мать держит маленького ребёнка»¹⁸. Теория Фрейда основывалась на том, что мистицизм, как любой регресс — есть негативный феномен. Дальнейшие исследования в этой области не смогли подтвердить утверждения о том, что детский ум способен испытывать состояния, подобные описанным в мистических текстах (Дейкманн¹⁹), а теория о том, что регресс, даже если он имеет место быть, может сыграть положительную роль была сформулирована учеником Фрейда Вильгельмом Райхом²⁰.

В отличие от Фрейда Карл Густав Юнг более тонко подходит к этой проблематике, однако его исследования остаются совокупностью нескольких подходов, которые дополняют или сосуществуют друг с другом²¹. Так Юнг сформулировал теорию архетипов, которая связывает мистическое, религиозное и символическое. Бессознательное, по его словам, мыслит образами и всегда заявляет о себе на языке символов. Теория архетипов по сути является попыткой проанализировать эти символы. В феноменологии мистических состояний имеется и ещё одна сторона — это а-символическое, трансцендентное состояние, связанное с отсутствием символа, с безобразностью. Традиции христианской мистики, исламского суфизма и буддийской практики как раз тяготеют к преодолению чувственных состояний, к достижению духовного экстаза слияния с Трансцендентным или, наоборот, медитативным растворением в нём. В тоже время образно-символическое направление ближе к традиции гностицизма, каббалы и герметизма. Юнг много занимался исследованием символики этих направлений и связывал расшифровку архетипических переживаний с проблемой реализации и поиском сакрального смысла бытия.

Как ранний, так и поздние психологические подходы, в том числе рассмотрение мистицизма в свете теории изменённых состояний сознания, пытались объяснить переживаемый мистический опыт с точки зрения физиологических и психических процессов в коре головного мозга человека. Так Дейкманн и Хартманн связывали мистические феномены с частичной де-автоматизацией психических структур, которые организуют и интерпретируют чувственные стимулы²². Это объясняет повышение уровня осознанности поведения, которое вызывает медитация, а также глубину и нестандартность подходов в толковании религиозных текстов, которые предлагались мистиками в различных религиях²³. Изменение восприятия чувственных данных, которое сопровождает данный процесс, так же наблюдается при приёме наркотических веществ класса психоделиков или психостимуляторов, а также на ранних стадиях шизофрении; однако кардинально отличается по связи личности и окружения индивида с его личным опытом и эмоциональным состоянием. Понятие мистицизма *менее всего* является психофизиологическим, хотя бы потому что к мистическим относят такие противоположные с физиологической точки зрения состояния как экстаз и медитация.

¹⁷ Leuba J.H. The psychology of religious mysticism. London New York 1925.

¹⁸ Фрейд З. Недовольство культурой.// Фрейд З. Избранное. В 2-х томах. — М., 1990. — т.2.

¹⁹ Цит. по: Rayne S. John of the Cross and the Cognitive Value of Mysticism. Dordrecht 1990.

²⁰ Бороненкова Я.С. Социально-психологические интенции учения Вильгельма Райха// Вестник Московского государственного лингвистического университета. — М., 2010

²¹ Степанчук Ю.А. Основные понятия мистицизма ... — стр. 56

²² Тарт Ч. Измененные состояния сознания/ Пер. с англ. Е. Филиной, Г. Закарян. — М. : Эксмо, 2003

²³ Шиммель А. Мир исламского мистицизма — стр.16

«Битва» эссенциалистского и конструктивистского подходов, с учётом нейропсихологических исследований в этой области, вновь переключили внимание учёных на эмпирическое изучение мистицизма. Стало понятным, что, с одной стороны, феномен мистицизма не может быть сведён только к культурным кодам, а с другой — редукция этого понятия до «бодрствующего» состояния сознания также является неполной. Остаётся вопрос, является ли такое состояние «внутренним ядром» опытов, описанных в мистических текстах, т.е. опытов, наполненных для субъектов глубоким смыслом и способных радикальным образом трансформировать их способ бытия²⁴. Т.В.Малевиц приводит мнение американской исследовательницы Энн Тейвз, согласно которой «поиск и установка нейронных кореллятов религиозных опытов ничего не говорит об их смысле и значении»²⁵. С этим мнением трудно не согласиться.

На попытку примирить противоборствующие стороны претендует теория «мистического плюрализма», выдвинутая американским учёным Рэндаллом Стадстиллом, основанная на системном подходе к изучению сознания и близкая к умеренному эссенциализму. Приводимое им в работе «Единство мистических традиций: трансформация сознания в тибетском и немецком мистицизме»²⁶ определение в нашем упрощении обозначает мистицизм как «совокупность феноменов, охватывающих мистические опыты, объект и содержание которых является предельной реальностью или приближается к ней и те стороны религиозных традиций, которые поощряют появление таких опытов».

1.2. Описание феномена мистицизма

Проанализировав развитие научной мысли в заданном направлении, очертив круг вопросов, с которыми столкнулись исследователи, и обозначив палитру подходов к феномену, перейдём непосредственно к понятию мистицизма. Прежде всего мы остановимся на использовании терминов «мистика», «мистицизм» и «мистический опыт» в современном религиоведении и эзотериологии.

В обывательском понимании к этим терминам относят всё, связанное с тайной, а именно: таинственное, скрытое, необычное, чудесное, сверхъестественное и неясное. Но если нас интересует научное понимание данного вопроса, то такое определение нам не подойдёт. Оно имеет отношение к суевериям и предрассудкам ровно в той же степени, как и к исследуемому вопросу. Мистицизм, как мы можем увидеть из обзора, приведённого в предыдущей главе, имеет дело с мистическим опытом — переживанием контакта, слияния или единства с трансцендентной реальностью и осмыслением этого опыта переживания. Он не имеет отношения к чему-то просто тайному или паранормальному, мистицизм — это обретение прямого и лишённого всякой рациональности общения с Трансцендентным.

Религиозные чувства человека сами по себе иррациональны, и по блестящему определению Рудольфа Отто, мистицизм — это «доведенное до предела напряжение иррационального момента, принадлежащего религии как таковой.»²⁷. Те же грани смысла мы находим во взгляде Пауля Тиллиха, который пишет, что «мистическое — это сердцевина всякой религии как религии.»²⁸

²⁴ Т.В. Малевиц. *Философия религии о мистическом опыте: дилемма эссенциализма и конструктивизма*

²⁵ Там же

²⁶ Studstill R. *The unity of mystical traditions: The transformation of consciousness in Tibetan and German mysticism*. Leiden: Brill, 2005. 304 p.

²⁷ Отто Р. «Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным». — АНО «Издательство Санкт-Петербургского Университета». — СПб, 2008. — стр. 44

²⁸ Тиллих П. *Систематическая теология*. Т. 1-2. — М.; СПб.: Университетская книга, 2000

Мистицизм также можно назвать определённой практикой достижения воссоединения с Абсолютом, но практикой, в которой результат не гарантирован. Тиллих отмечает, что, не смотря на все приготовления «воссоединение должно совершиться, хотя оно может и не совершиться вовсе».²⁹ Точка зрения, что мистицизм есть определённая техника присутствует как у западных (А.Дейкманн³⁰), так и у отечественных исследователей (В.Кравченко³¹, Е.Торчинов³²).

Мистика — это и тождество человека с Трансцендентным. Парные термины *фана'* и *бака'*, используемые в исламском мистицизме, означают, в свою очередь, исчезновение, абсолютное уничтожение в присутствии Божества и, одновременно, полноту пребывания в Нём. «Потому что, когда прекращается бытие человека, не остается ничего, кроме божественной реальности, в которой все существует. Именно в этом состоянии некоторые суфийские мистики выкрикивали экстатические восклицания-откровения, которые в действительности применимы к Богу, например, «Я есмь Истина» у ал-Халладжа и «Да будет мне слава» у ал-Бистами», — пишет американский католический теолог Бернард МакГинн³³. Англиканский теолог Уильям Ральф Инг определяет мистицизм как «попытку осознать присутствие живого Бога в душе и в природе»³⁴, слово «присутствие» употребляет и МакГинн³⁵. Мистицизм определённо связан с состоянием поиска Абсолюта, стремления к нему с необходимостью заполнить собственную ограниченность чем-то высшим, бесконечным. Это поиск подлинного, единственно Реального. Важным для целей нашей работы является то, что Бахаулла (1817 — 1892) — основатель веры бахаи, обозначает этот поиск как цель не только мистиков, но каждого верующего. Он пишет, что «цель, с коей Бог сотворил человека, была и вечно будет заключаться в том, чтобы позволить ему познать своего Творца и достичь Его Присутствия»³⁶.

1.3. Мистика, мистицизм и мистический опыт. Оккультизм.

Чтобы разграничить понятия «мистика», «мистицизм» и «мистический опыт» мы воспользуемся схемой предложенной исследователем, к.ф.н Д.В. Сурковым. Под мистикой мы будем понимать «проникновение скрытого знания в наше сознания, во время слияния с абсолютном»³⁷, а под мистицизмом — осмысление мистики, её теоретическое основание. Как пишет Сурков: «мистика – это область, в которой содержится некое универсальное знание о чём-либо, а мистицизм – это учение и методология, при помощи которой человек может получить это знание»³⁸. Такой гнозисный подход к определению кажется нам вполне уместным, потому что вместе с тем, что мы описали в предыдущих двух разделах, он даёт системное и целостное представление о феномене. Мистический опыт — это «некое переживание особого рода, выходящее за пределы обыденного опыта и пяти чувств,

²⁹ Там же

³⁰ *Deikman A.* I-awareness. // *Journal of Consciousness Studies*, 3, № 4 1996, pp. 350-356. Ср. *Deikman, A.J.*, *Vimodal consciousness and the mystic experience*, In: *Symposium on consciousness*, New York, 1976, 67-88

³¹ *Кравченко В.В.* Мистицизм в русской философской мысли XIX - начала XX веков. М 1997.

³² *Торчинов Е. А.* Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. — СПб.: Центр "Петербургское Востоковедение", 1998. — 384 с.

³³ *Макгинн Б.* Мистический союз в иудаизме, христианстве и исламе / Пер. с англ. Т.В. Малевич

³⁴ *William Ralph Inge.* *Christian Mysticism* — Montana, USA: Kessinger Publishing Company — 2014 — p.324 — p.5

³⁵ *McGinn, Bernard.* *The Foundations of Mysticism.* New York: 1991 — Crossroad

³⁶ *Бахаулла.* Крупицы из Писаний./ 2-е изд. испр., пер. с англ. — М. : ЦРО "Община последователей Веры Бахаи в России", 2009. — раздел XXIX

³⁷ *Сурков Д.В.* Различие понятий «мистика», «мистицизм» и «мистический опыт»// Омский научный вестник, 5(112). — Омск, 2012. — стр.132

³⁸ Там же

расширение сознания, постижение онтологических принципов сущего»³⁹. Такой опыт формирует мышление наряду с рациональной формой познания мира и, по нашему мнению, является одной из основ целостного взгляда на мир.

Термин «мистическое» часто употребляется вместе с термином «оккультное» в сочетании «оккультно-мистическое». Нам представляется это неверным, так как оба понятия хоть и составляют между собой пересекающееся поле понятий, но обладают принципиально разными сущностными подходами. Так Э.Тирикьян определил оккультизм как «целенаправленные действия, методы и процедуры, которые а) привлекают тайные или скрытые силы природы или космоса, не поддающиеся измерению и пониманию средствами современной науки, и б) имеют целью получение результатов, таких как эмпирическое познание хода событий или изменение их по отношению к тому, какими они были бы без этого вмешательства»⁴⁰. Иными словами, оккультизм играет по отношению к магии ту же роль, что мистицизм играет по отношению к мистике. Магический и мистический способы отношения к миру различны по своей природе: маг являет собой пример деятельного силового воздействия на мир через скрытые природные механизмы, мистик же — созерцатель, он не принимает мир за подлинную реальность. «Цели мистика – полностью трансцендентальные и духовные. Он ни в коей мере не имеет намерения добавлять, исследовать или улучшать что бы то ни было в видимой вселенной», — отмечает исследователь С.Н. Волков⁴¹. Образно говоря, там, где маг будет идти к цели по лабиринту, открывая закрытые двери ключами «тайного знания», мистик пройдёт сквозь стены, не замечая их.

Пауль Тиллих отмечает, что «мистицизм или «ощутимое присутствие Бога» — это сущностная для природы религии категория, и потому он не имеет ничего общего с самоспасением»⁴². Иными словами, нет ничего более близкого к состоянию самоотречения и отрешения, чем мистическое состояние. Сама сущность реакций мистика, по словам Стадтилла, состоит «в разрушении самоцентрированности, выражаемом как спонтанное, сострадательное поведение по отношению к другим»⁴³. Это путь антиэго, путь максимального альтруизма, выражающийся в служении другим и связанный с осознанием собственного несуществования и, одновременно, пребывания в Трансцендентном. Вселенная мистика — Богоцентрирована. Путь мага — путь максимального эгоизма, но не с точки зрения морально-этических оценок — маг вполне может руководствоваться и высокими социальными идеалами, мы имеем в виду то, что вселенная мага имеет в центре собственное «Я». Маг опирается на предположение, что он сам есть независимый творец своего будущего, а силы природы должны помочь ему, если он будет правильно ими пользоваться. В этом плане мы считаем, что Эрнст Трёльч, выделяя в своей работе «Социальные учения христианских церквей» (1931) три типа христианского мышления: церковный, сектантский и мистический — под типом мистического, которому он приписал «проявление антиобщественного индивидуализма»⁴⁴ описал оккультный, а порой и просто тяготеющий к социальному гуманизму тип мышления, который мы разберём в разрезе феномена неомистицизма далее.

Не существует чистых форм мистики и магии, можно говорить лишь о соотношении той или иной формы осмысления нерационального в деятельности конкретного человека или

³⁹ Там же

⁴⁰ *Tiryakian E. Toward the Sociology of Esoteric Culture // American Journal of Sociology. – 1972 – №78. – цит. по М.В. Бекаряков. Социокультурный феномен эзотерики // Журнал Известия АГУ. – Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2010 - 169-173 стр.*

⁴¹ *Волков С.Н. Неомистицизм на современном этапе. Корни его понимания// XXI Век: Итоги прошлого и проблемы настоящего плюс, 6(28). — Пенза, 2015. — стр.28-34*

⁴² *Тиллих П. Систематическая теология*

⁴³ Цит. по *Т.В. Малевич. Философия религии о мистическом опыте: дилемма эссенциализма и конструктивизма. — стр.53*

⁴⁴ *Troeltsch E. The Social Teaching of the Christian Churches. — London: Allen and Unwin, 1931*

сообщества. Но границу всегда можно провести, поэтому мы выступаем против термина «мистико-окультизные феномены» ввиду того, что мистицизм и оккультизм обладают разной природой и принципиально разными по своим подходам явлениями, которые не должны смешиваться при изучении религиозных и эзотерических организаций. Кроме того, наличие той или иной компоненты может служить определённым критерием для отнесения той или иной организации либо к религиозным, либо к эзотерическим. Мы наблюдаем мистическую составляющую в религиозных организациях, а в русле академического изучения эзотеризма, мы можем видеть ярко выраженный оккультный и неомистический компоненты в эзотерических организациях.

1.4. Мистическое чувство и опыт

«Мистический опыт невыразим». Слово «невыразимый», применительно к описанию состояния людей, встречается в классическом труде Уильяма Джеймса «Многообразие религиозного опыта» двенадцать раз⁴⁵, и стало своеобразным клише в описании этого феномена. По сути невыразимым является любой опыт: ощущение горячего или красного, чувства восторга и боли, страха или любви. Человек может пользоваться словами для передачи своих переживаний, но никто не сможет пережить за него то, что пережил он сам. Это другого человека это всегда останется тайной тайн. Под невыразимостью можно предполагать скорее то, что мистический опыт является парадоксальным и не похожим на испытываемое в обычной жизни — его сложно описать обычным языком, и, ввиду этого, мистики часто пытаются выразить свои ощущения не прямо, а через особый язык образов, метафор, сравнений и аллюзий.

Несмотря на свою субъективность и невыразимость, мир мистицизма не становится от этого закрытым. Во всех мистических религиозных опытах, человек ощущает присутствие трансцендентной любви. Американский исследователь мистицизма бахаи Джек МакЛин пишет: «Мистицизм как практика божественной любви воздвигает мистический поиск на потенциально универсальное основание, и открывает врата, через которые все, кто практикует, смогут войти»⁴⁶.

Мистический опыт — субъективный личный опыт встречи с высшей реальностью, внутреннее созерцание Трансцендентного. Однако, это встреча предполагает так же не только то, что сам мистик видит внутренним взором Божественное. Мистический опыт предполагает, в числе прочего, и ощущение того, что «видят» самого человека, что он находится в Присутствии *Всевидающего*. «Воззри — вот я стою пред Тобою, готовый исполнить волю Твою и Твое желание, не ищущий иного, кроме благоволения Твоего», — пишет Бахауллы в Пространной Обязательной молитве⁴⁷.

Мистический опыт с его чувством безвременья редко бывает продолжительным. Всякий раз, когда вневременной миг исчезает, мистик чувствует своего рода ностальгию и тоску по этим моментам, он понимает, что не знает — будет ли повторение, дастся ли ему ещё одна возможность, или нет. Но мистический опыт оставляет после себя след: чувство долга и необходимости служения другим людям, таков альтруистический путь любого мистика.

Мистические переживания выходят за границы пяти чувств, поэтому могут быть названы сверхчувственными. Однако в процессе переживаний и сразу после них могут появиться и другие феномены: опыт может сопровождаться ощущением эйфории, экстаза,

⁴⁵ Джеймс У. Многообразие религиозного опыта.

⁴⁶ Jack McLean. Correlating Mystical Experience to the Knowledge of God. - Paper presented to the Irfán Colloquium, Louhelen at Bahá'í School, Davison, Michigan, October 2000 – p.5

⁴⁷ Молитвы бахаи: избранные молитвы, открытые Бахауллой, Бабом и Абдул-Баха / Пер. с англ. – 3-е изд., испр. – М.: Централизованная религиозная организация "Община последователей веры Бахаи в России", 2012

различными психофизическими явлениями. Их стоит отличать от «встречи с Реальным», как побочные явления. Возможно, в виду этого, в вере бахаи отношение к мистическому опыту двойное. С одной стороны, Шоги Эффенди пишет, что «мистическое чувство, которое соединяет человека с Богом» является «сердцем религиозной веры». Он утверждает, что приближение к святости и отрешённость являются предпосылками для обретения такого опыта, словами «истинные видения, могут посылаются тем, кто духовно чист и восприимчив»⁴⁸, «мы должны стремиться очистить своё сердце и «стать свободными ото всего, кроме Бога». Тогда и наши сны, и наши мысли в состоянии бодрствования станут чистыми и правдивыми»⁴⁹.

При этом для бахаи нет необходимости искать мистический опыт специально, т.к. «если нам суждено испытать некое глубоко духовное переживание, мы можем быть уверены, что Бог дарует нам его без поисков с нашей стороны», — пишет Хранитель Веры⁵⁰.

Таким образом, возможность мистического опыта в вере бахаи не только не отрицается, но и устанавливается его взаимосвязь с чистотой сердца и отрешённостью ото всего кроме Бога. Возможность обретения мистического опыта постулируется как проявление Божественной воли, а не производная от специальных техник. Шоги Эффенди, видимо, пытается учесть то, что некоторые последователи, подверженные влиянию неомистицизма или различных эзотерических учений могут перепутать игры сознания и парапсихологические явления с истинным мистическим опытом. Он пишет, что «подлинный мистический опыт, основанный на реальности, редок, и мы можем легко заметить, сколь опасно людям пробираться наощупь во тьме собственного воображения»⁵¹.

Так же, как и в других религиях, любые полученные, как человеку кажется, озарения свыше стоит сверять с писаниями. «Мы должны проверять ощущения, которые приходят к нам во сне, видениях или состояниях вдохновения, сравнивая их с явленным Словом на предмет того, полностью ли они согласуются с ним»⁵². И уж совершенно однозначно Хранитель Веры лишает возможности кого бы то ни было притязаний на получение особых руководств, к которым необходимо прислушиваться другим:

«Что касается притязаний ... на прямые откровения от Бога; такие видения и сообщения, которые он может получать, не могут, с точки зрения Дела, рассматриваться как прямое и авторитетное откровение от Бога, ... [их] ни в коем случае не следует рассматривать как надёжный источник руководства, даже для того лица, которое их испытывает»⁵³.

1.5. Мистицизм в эзотеризме. Неомистицизм

XX век прошёл для человечества под знаменем «расколдовывания мира». Рождающиеся одна за одной философии последовательно деконструировали действительность и обесценивали разные модели её восприятия в сознании человека, достигнув своего пика в эпоху постмодерна. Идея о том, что рациональное познание всемогуще и не нуждается в дополнительных духовных измерениях произвела культурную революцию в мире. В 30-х годах XX века ряд исследователей во главе которых стоял американский философ и научный скептик Пол Куртц (1925 — 2012) провозгласили

⁴⁸ *Хорнби Хелен*. Светочи руководства. Парапсихологические явления/Пер.с англ. В.Чупин // URL: <http://chupin.ru/bahai.ru.library/library/Compilations/psychic.html> (Дата обращения 15.04.2017). — раздел 1740

⁴⁹ Там же. — раздел 1739

⁵⁰ Там же. — раздел 1742

⁵¹ Там же

⁵² Там же. — раздел 1739

⁵³ Там же. — раздел 1741

концепцию светского гуманизма. Её фундаментальным принципом стало утверждение, что «человек и его счастье является высшей ценностью». В число важнейших методологических принципов светского гуманизма вошёл принцип неограниченного свободного и критического исследования. Единственное ограничение такого исследования по мнению сторонников светского гуманизма — это законы страны и базовые этические и экологические стандарты, которые, как известно, изменяемы под давлением общества, что было показано американским юристом и общественным деятелем Джозефом Овертоном в модели «окна дискурса», носящей его имя.

В 1970-х годах в странах Европы и Америки началась предсказанная профессором Гарвардского университета Дэниелом Беллом постиндустриальная эра. В своей книге он писал, что «постиндустриальное общество ... предполагает возникновение интеллектуального класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов»⁵⁴. Растущее число работников сферы интеллектуального труда взяло на вооружение философию светского гуманизма, её идеалы проникли в средства массовой информации, в сферу образования и повседневную культуру.

Одновременно с этим наступила эра относительной экономической стабильности, что способствовало росту спроса на товары и услуги. Развитие маркетинга, транспортных и информационных технологий вкупе с новой философией раскручивали маховик потребления материальных благ. Постепенно, материальное стало восприниматься постсекулярным обществом последней четверти XX века как синоним «счастья», которое является высшей ценностью.

Особенностью философии светского гуманизма, имеющего, по нашему убеждению, корни в идее «сверхчеловека» Фридриха Ницше, является поощрение ярко выраженного индивидуализма; в же социальном плане она является примером утопического материализма, когда цель общества выражена в постоянном наращивании материальных благ и комфорта. Ни цели, ни методы светского гуманизма не включают в себя понятие духовного роста. Это понятие заменяется эгоцентрической идеей *личностного роста*, которая сводится к способности накапливать капитал, следить за физической формой и получать образование ради собственного удовлетворения и движения вверх по карьерной лестнице.

Именно идея личностного роста как альтернатива росту духовному и стала центральной линией действия эзотерических движений конца XX века. Тяга человека к нуменозному, к непонятному, к древнему и загадочному причудливым образом выразилась в этих движениях и заполнила собой значительную часть квазидуховного поля. Благоприятной почвой для роста числа последователей эзотерических и мистических течений стала теософия и антропософия. Претендуя на научность и одновременно на связь со сверхзнанием, движения Е.П.Блаватской и Р.Штайнера органично послужили материнской традицией для современного эзотеризма и движения, которое принято называть «нью эйдж» (*англ.* New Age, буквально «новая эра») ⁵⁵. Сам термин был впервые упомянут в сочинениях Алисы Бейли, наследницы Теософского общества Блаватской, и связан с ожиданиями социального, культурного и духовного скачка в развитии человечества — «Эпохи Водолея».

Расцвет нью эйдж в 70-80-х годах XX века связан не только с теософскими кругами. Пищу для его роста дали так же различные восточные религиозные практики: йога и медитация, дзен и психоделические эксперименты, — всё это сформировало в эзотерическом

⁵⁴ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. — М.: Академия, 1999

⁵⁵ Балагушкин Е. Г. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен // Общественные науки и современность. — 1996. — № 2. — С. 90—100.

поле особый тип мистицизма и стало, по словам М.В. Бекарякова, «системой координат мистического опыта».⁵⁶

Для его отдельного обозначения мы будем использовать термин мистицизм пути, или неомистицизм. В отличие от классического мистицизма, где целью является единение, слияние или контакт с Божественным; в неомистицизме, как его называют некоторые исследователи,^{57,58} ценность имеет само продвижение.

Как говорилось ранее, мистический путь может сопровождаться рядом побочных проявлений, таких как ощущение эйфории, экстаза, обострения чувственных ощущений, растворения в мире или, наоборот, ощущения себя центром бытия. Для классического мистика — это лишь завесы, отвлекающие его от продвижения вперёд к Возлюбленному, заслоняющие от него истинную Реальность, к которой он стремится. Для мистика пути, действующего под руководством наставника, как правило, это и есть цель. Философия социального гуманизма в силу своей природы формирует подход, где жажда восторгов и удовольствий является синонимом стремления к счастью, а ожидание гарантированного результата, привнесённого эзотериком из внешней среды, делает из искателя потребителя.

Даже сам наставник превращается из «учителя», который указывает путь, но не обладает им — в «специалиста», который владеет «мистическим знанием», которое реализует за деньги⁵⁹. В результате этого и ищущий, и ведущий, практикуя подобный товарно-магический подход «освобождаются от любви к Богу»⁶⁰, в то время как для классического мистика чистейшая форма любви к Богу является одной из целей мистического пути.

В религиозном поиске возможны разные формы практики мистицизма относительно внешнего мира. Это и уход от мира в монастырь, и аскетический образ жизни, и попытка соединить систематические духовные практики с обычной жизнью. Мы можем наблюдать широкий диапазон возможностей, но всех их объединяет единая суть процесса — мистик стремится к Богу и к пребыванию в Боге постоянно. Это его насущная потребность, это его идеал бытования, это его желаемое состояние. Путь неомистицизма, который предлагается искателю широким кругом эзотерических организаций, больше напоминает сферу услуг: туризм или поход в кино. Либо жаждущий «мистического знания» приходит на специальные семинары, где выполняет комплекс практик, либо уезжает на специальные ретриты (англ. retreat — «уединение», «удаление от общества») на срок от нескольких дней до нескольких недель, — в любом случае, целью таких мероприятий является погружение в особую среду, где такие же как он, ищут себя.

Все те аспекты личностного роста, которые были упомянуты выше, являются базовой методикой данных мероприятий. Детальное рассмотрение особенностей практик разных эзотерических организаций не входит в цели работы, поэтому ограничимся лишь кратким обобщением: все они обладают сходными признаками: для их выполнения нужна особая среда, во многом ради которой и собираются участники, данные практики не выполняются последователями в обычной жизни и носят не систематический характер.

Исходя из вышесказанного и личного опыта общения, мы предполагаем, что скрытым мотивом участников неомистических курсов и тренингов является получение удовольствия от

⁵⁶ М.В. Бекаряков. Социокультурный феномен эзотерики // Журнал Известия АГУ. – Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2010 - 169-173 стр. — стр.172

⁵⁷ Кайгородов А.Г. Некоторые аспекты современного мистицизма// Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2014,

⁵⁸ Волков С.Н. Неомистицизм на современном этапе. Корни его понимания// XXI Век: Итоги прошлого и проблемы настоящего плюс, 6(28). — Пенза, 2015. — стр.28-34

⁵⁹ Кайгородов А.Г. Некоторые аспекты современного мистицизма// Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2014 —стр.76

⁶⁰ Там же

общения, ощущение «избранности и особенности» в процессе приобщения к таинственному знанию, личного и социального утверждения в том, что они «духовные и чистые», «живут в гармонии с миром» и «любят весь мир». Часто сами цели подобного рода мероприятий неприкрыто материальны, например, «Мистика денег»^{61,62} или «Мистика отношений», но с научной точки зрения данные мероприятия не имеют ничего общего ни с мистицизмом, ни даже с неомистицизмом. Как правило, это обычные психологические семинары для отчаявшихся, хотя в отдельных случаях, их авторы предлагают слушателям практику некоторые магические и оккультные практики.⁶³

1.6. Место мистического пути в религии

В любой религиозной традиции существует множество путей «спасения» или «освобождения». Американский феноменолог религии, доктор философии Муджан Момен делает попытку классифицировать эти пути. При этом мистический путь в его понимании — это лишь один из таких путей, которые предлагает человеку религия. Подход, предложенный им в труде «Феномен религии. Тематическое исследование»⁶⁴ поможет нам для исследования места мистицизма в вере бахаи. На рисунке 1 представлены следующие пути религиозного опыта, которые приводит М.Момен. Мы посчитали необходимым дополнить данный список путём прозелитизма, который является ещё одним путём к Божественному для многих верующих.

Рисунок 1 — Пути религиозного опыта

Как видно, что основной религиозный опыт содержит самые различные пути, которые мы перечислим и раскроем применительно к вере бахаи.

⁶¹ Как привлечь к себе деньги и удачу. Видеокурс-тренинг по привлечению денег/ URL: <http://kurs555.ru/avtory/magiya-mistika-ekstrasensorka/kak-privlech-k-sebe-dengi-i-udachu.html>

⁶² Тренинг "Деньги — ваши друзья?" Между Мистикой и Психологией /URL: https://samopoznanie.ru/trainings/dengi_vashi_druzya/?date=53068

⁶³ Там же

⁶⁴ *Momen M.* Phenomenon of religion. A thematic approach. — Oneworld Publications — Oxford, 1999

Легализм. Этот путь может быть охарактеризован верой в то, что воля Божества была явлена в форме Святого Закона. Такой закон, или священные писания, определяют большинство действий повседневной жизни, они определяют степень соответствия Божественной воле моральной чистоты верующего, институтов религии и всей общины, регулируют взаимоотношения между ними. Важным моментом является в этом пути то, кто обладает правом толкования авторитетных текстов, обычно этим правом наделены священнослужители. У бахаи отсутствует институт священства. Правом авторитетного толкования священных текстов в религии бахаи были наделены лишь два лица: Абдул-Баха и Шоги Эффенди. Верующий «не может отрицать или оспаривать авторитетные толкования», однако может «предложить свои мысли как дополнение к существующему знанию», что будет являться «вкладом в более глубокое постижение Веры»⁶⁵. Все тексты, явленные Бахауллой и Бабом являются для бахаи непреложным Словом Бога, имеющим особую силу и определяющим их жизнь.

Ритуализм. Это путь поклонения, на котором верующий сосредотачивает свои усилия на правильном исполнении тщательно разработанных ритуалов. Зачастую важным является не только точное исполнение ритуала, но и отношение к нему в процессе исполнения, а также знание значения символов. К элементам такого пути у бахаи можно отнести брачный и похоронный обряды, ежедневно каждым верующим совершается обязательная молитва, читаются писания Бахауллы и Баба. Данным элементам придаётся большое духовное значение, они несложны в исполнении и обязательны.

Евангелизм. Под этим термином Момен понимает эмоциональный путь веры, когда делается сильный акцент на персональные отношения с Божеством, на любовь к Нему и исходящую от Него. В некоторых религиозных группах имеется специальный оратор, который воодушевляет зал, профессионально воздействует на чувства верующих, мотивируя их изменить свою жизнь или совершить какое-то действие. В крайних формах на таких богослужениях верующие могут впадать в транс на богослужениях, говорить на «разных языках», могут совершаться сеансы экзорцизма или исцеления. Умеренность в том числе и в эмоциональном плане является одной из основных установок бахаи, а лучшим проявлением любви считаются искренность, благие дела и служение. Вера в то, что «любовь Бога постоянно изливается на людей»⁶⁶ присутствует в учении бахаи, но крайняя эмоциональная окрашенность в разговоре об этом, скорее, не свойственна.

Социальный реформизм. Любая религия имеет в своей основе общину, объединённую в любви и поклонении. Исторически, эти два импульса имели два направления. Первый импульс — это желание создать «острова спокойствия» — путь монастицизма, который будет описан ниже. Второй путь — это желание изменять мир вокруг себя, превращая его в идеальное общество. Желание воплотить свои религиозные чувства через «служение ближнему» в обществе может принимать самые различные формы, и быть само по себе сильной мотивацией. Это может быть поддержка незащищённых или неполноценных членов общества, финансовая благотворительность; активность, направленная на достижение социальной справедливости и тому подобное. Ввиду ориентированности бахаи на создание «Божественной цивилизации» этот путь является одним из самых популярных в вере бахаи и характеризует её лучше всего.

Прозелитизм. Миссионерский путь религии — это больше коллективный путь общины, имеющий целью обращение неверующих или представителей иных религий в свою веру. Встречается он, в основном, в универсальных религиях, и менее распространён в

⁶⁵ Бахауллы. *Китаб-и-Агдас / Духовное Собрание Бахаи России. 2-е изд. испр.* – СПб.: Единение, 2001. – прим. 363

⁶⁶ Бахауллы. *Сокровенные Слова.* – СПб.: Единение, Пер. с англ. 2003

религиях национальных. Одним из первых христианских миссионеров был апостол Павел («апостол язычников»⁶⁷). Для многих верующих быть миссионерами, а порой и мучениками за веру — это важный способ стать ближе к Богу. Обучение вере является одной из главных заповедей бахаи, и в виду отсутствия священников, эта обязанность возложена на каждого верующего. При этом бахаи не беспокоятся о том, станет ли человек после рассказа об этой религии последователем или нет — можно сказать, что бахаи не ведут миссионерской деятельности, если понимать под ней обращение в веру. Всемирный Дом Справедливости говорит: «...Намного важнее, чтобы всякая душа почувствовала радушно приглашение присоединиться к стремящейся содействовать улучшению общества общине, встав на путь служения человечеству, на котором, рано или поздно, может произойти формальное вступление в ее ряды»⁶⁸. Отчасти поэтому те, кто становится бахаи, в основном, приходят в эту веру либо самостоятельно, либо будучи впечатлены деятельностью последователей.

Монастицизм. Те, кто считают окружающий мир обителью дьявола и источником зла, находят прибежище в уединении от него в монастырях и отшельничестве. Там они пытаются построить своё небольшое идеальное общество, с настоятелем общины и специальными правилами для каждого. Хотя в данный момент многие монастыри отходят от системы строго закрытого общества и стараются влиять на своё окружение, тем не менее, своё основное время монахи стараются проводить в работе на благо монастыря, чтении писаний, молитвах или медитациях и некоторых других духовных практиках. В вере бахаи путь длительного отказа от мира запрещён, так как подразумевает искусственное сужение круга возможностей для служения другим людям и, связанными с этим, возможностями для личного духовного роста.

Аскетизм. Этот путь предполагает ограничение себя в еде, общении, сексе, сне и других физических потребностях. Аскет убеждён, что с помощью дисциплины тела он сможет воспитать свой дух. Аскеты обычно дают различные обеты: молчания, безбрачия, голодания, все они призваны смирить плоть, и, тем самым, приблизить душу к Богу. Аскетизм в его крайних формах запрещён в буддизме и вере бахаи.

Гностицизм. Общая идея гностических движений заключается в том, что основной религиозный опыт сокрыт ото всех и доступ к нему имеют немногие. Такое знание обычно идёт от особого эзотерического понимания и толкования писаний религии и её ритуалов. Такое знание зачастую транслируется путём устной передачи от ученика к учителю и распространено только внутри самих таких групп, активное расширение которых не приветствуется. По убеждению сторонников гностицизма, истинное знание всегда будет доступно лишь избранным. Бахаулла однозначно негативно относился к такому пути: «Среди людей бывает и такой, что притязает на внутреннее знание и на знание еще более глубокое, сокрытое в сем знании. Скажи: Ты речешь ложь! Богом клянусь! То, чем владеешь ты, — не более чем шелуха, что Мы оставили тебе, как оставляют собакам кости»⁶⁹.

Мистицизм. Этот путь отличается от всех остальных тем, что ищет общения с Трансцендентным, в основном, но необязательно, через альтернативные состояния сознания, которые достигаются либо через дыхательные упражнения, ритмичное повторение текстов или танец, либо через состояние глубокой медитации или молитвы. Этот путь развит во всех мировых религиях и позволяет достичь высот личного общения с Богом и глубинного проживания Его законов. Некоторые исследователи считают, что мистика является защитным механизмом религии — её роль усиливается тогда, когда возникает формальный гнёт

⁶⁷ Рим. 11:13

⁶⁸ *Всемирный Дом Справедливости.* Послание бахаи всего мира в Ризван 2010 года. // URL: <http://bahaiarc.org/41-uhj/1913-rivdan-2010> (дата обращения 03.10.2017)

⁶⁹ *Бахаулла.* Китаб-и-Агдас. — разд. К36

ортодоксии.⁷⁰ Она возникает тогда, когда требуется дополнительная глубина в исследовании писаний и постижении главных целей.

Относительно практик бахаи, можно сказать, что среди их законов, есть предписание 95-ти кратного поминания Бога один раз в день распеванием фразы «Алла-у-Абха». Тот факт, что бахаи должны делать это всего единожды в день, говорит о том, что данная медитация вряд ли может сопровождаться трансовым или экстатическим состоянием, связанным с непрерывным и многократным чтением зикра или мантр. Второе имеющееся предписание гласит, что «человек должен жить в состоянии молитвы». В виду невозможности находиться в изменённом состоянии сознания и при этом вести полноценную жизнь, скорее можно говорить о некотором настрое или лёгкой форме океанического чувства, когда человек связан с переживанием растворённости в окружающем мире и единении с Богом. Это состояние осознанности и режима включённости, когда верующий сосредоточен на божественном и воспринимает весь мир, как его проявление. Третьим предписанием, связываемым в текстах религии с мистическим поиском, является размышление над писаниями Бахауллы и Баба — это также ежедневный закон. Более полно мистический путь бахаи будет раскрыт в третьей главе исследования.

⁷⁰ Степанчук Ю.А. Основные понятия мистицизма опыт философского исследования.

Глава 2. ВЕРА БАХАИ

2.1. Центральные фигуры и организационная структура

Вера бахаи — независимая монотеистическая религия, возникшая в Иране в середине XIX века. Её история началась в мае 1844 года, когда молодой человек по имени Баб (1819 – 1850), в миру Сейид ‘Али-Мухаммад Ширази, провозгласил окончание эпохи пророчеств и начало новой эпохи свершений. Свою миссию как носителя нового Откровения, Баб обозначил как подготовку к миссии более великого, чем он сам, следующего Посланника Бога⁷¹. Доктрина Баба, отличавшаяся от законов ислама, и претендовавшая на то, чтобы заменить их, была воспринята как угроза шиитским духовенством и светскими властями Ирана. Последователи Баба как вероотступники ислама подверглись жестокому гонениям, а его самого после более 3-х лет заключения расстреляли в Тебризе в 1850 году.

Второй основатель религии, давший ей вторую жизнь и развитие, и чьё имя она носит — Бахаулла (1817 – 1892), никогда лично не встречался с Бабом. Почти сразу после объявления своей Миссии, Баб послал мирзе Хусайну ‘Али Нури (светское имя Бахауллы) послание, после которого, тот становится его активным последователем. Через два года после казни Баба Бахауллу арестовывают и заключают в тегеранской тюрьме Сиях-Чаль. Здесь в 1852 году, по словам самого Бахауллы, им было получено Откровение о том, что он и есть Посланник Бога, о пришествии которого говорил Баб. Последующие 40 лет Бахаулла проводит в ссылках и заключении в различных городах на территории Османской империи.

После кончины Бахауллы в 1892 году, согласно его завещанию, общину возглавляет его старший сын Аббас Эффенди (1844 – 1921), известный как Абдул-Баха. Он не имеет в вере бахаи статуса Богоявления, но является совершенным примером для верующих и полномочным толкователем Писаний. С 1921 по 1957 год мировая община бахаи управляется Хранителем Веры — правнуком Бахауллы Шоги Эффенди Раббани (1897 – 1957), а в данный момент ею руководит избираемый на 5 лет коллегиальный орган из девяти человек — Всемирный Дом Справедливости.

В вере бахаи нет института священнослужителей. Организационная структура общины бахаи называется Административным Порядком. Она состоит из двух ветвей – избираемой и назначаемой, часто называемых «институтами Веры». Избираемая ветвь — Духовные Собрания и Всемирный Дом Справедливости — обладает духовной властью, законодательными, судебными и исполнительными полномочиями. Назначаемая ветвь, к которой относятся Советники, члены Вспомогательных Коллегий и их ассистенты, не наделена властью в общине, однако обладает авторитетом и опытом, который помогает слаженной работе общины.

Россия была одной из первых стран, где появилась вера бахаи. Её последователи появились в России в 1860-ые годы. Община Российской Империи составляла более 5000 человек. В 1930-ые годы общины бахаи на территории СССР подверглись гонениям в рамках антирелигиозной пропаганды и уничтожены как органическое целое. Возрождение веры бахаи в России произошло в конце 1980-ых годов.

⁷¹ Иоаннесян Ю.А. Вера Бахаи. – Азбука, 2009

2.2. Основы вероучения и авторитетные тексты

Основные принципы веры бахаи были сформулированы Абдул-Баха следующим образом:

1. Самостоятельный поиск истины;
2. Единство человечества;
3. Религия – источник Любви и Привязанности;
4. Единство религии и науки;
5. Отказ от предрассудков;
6. Равные возможности в отношении средств к существованию;
7. Равенство людей перед законом;
8. Всеобщий мир;
9. Невмешательство религии и политики в дела друг друга;
10. Равноправие женщин и мужчин;
11. Сила Святого Духа.⁷²

Бахаи верят в то, что Бог – единственный Творец всего сущего, постичь Которого рационально невозможно. Сущность Его превышает любых человеческих представлений. Бог сотворил мир и человека из любви. Время от времени Бог посылает людям особых Личностей — Явителей Бога, или Богоявления. Они дают людям непогрешимое божественное руководство. Уверовав в Явителя и живя в соответствии с его заповедями, человек исполняет свою часть Завета – незримого договора между Богом и человечеством. Бахаулла считается Явителем Бога для нынешней эпохи, а его учение – наиболее актуальным для текущего развития человечества. Учения всех Явителей рассматриваются, как имеющие один источник, а человечество предстаёт как единое целое. Все люди на Земле - «плоды одного дерева и листья одной ветви»⁷³.

Человек является особым творением Бога, на котором Бог запечатлел свой образ и которое сделал средоточием всех своих имен и качеств. Таким образом, человек обладает благородной сущностью; при этом природа его двойственна: материальная и духовная. Без развития духовных качеств человек постепенно утрачивает свою благородную сущность и закрывает себе доступ к Божественному. Среди законов Бахауллы можно выделить ряд предписаний о стремлении к моральной и материальной чистоте: мыслей и действий, души и тела, органов чувств, одежды и обстановки.

Целью жизни человека в учении бахаи выступает познание Бога и поклонение Ему. Это установление содержит в себе мистическое ядро религии бахаи. Так же среди основных законов и увещеваний в вере бахаи можно выделить законы ежедневной молитвы, изучение писаний религии, ежегодного поста, образования, занятия профессиональной деятельностью, создания семьи как союза мужчины и женщины. Обрядность сведена к минимуму, а существующие обряды заключения брака и погребения очень просты.

Согласно писаниям этой религии, природа человека – отдавать, отдавая, душа человека развивается. Поэтому бахаи заботит скорее не личное спасение, а спасение всего человечества, основная проблема которого в том, что оно утратило связь с Богом и поглощено материальными заботами. Возможно, именно из-за того, что при исследовании этого тезиса акцент всегда ставился на спасении человечества, тема мистицизма, как индивидуального пути человека к Богу и личного общения с Ним, была столько мало исследована.

⁷² *Абдул-Баха*. Парижские беседы. Выступления Абдул-Баха в Париже в 1911 году. / Пер. с англ. – СПб. : Единение, 1999

⁷³ *Бахаулла*. Сокровенные Слова.– СПб.: Единение, Пер. с англ. 2003. – 78 стр.

Социальной целью веры бахаи является построение новой цивилизации на принципах и законах Бахауллы. Одна из ключевых концепций веры бахаи заключается в том, что совершенствование характера и служение на благо общества, — неразделимые грани жизни каждого человека. Объясняя эту концепцию, Шоги Эффенди пишет: «Человек органично связан с миром, его внутренняя жизнь формирует окружающую среду и также сама глубоко подвержена ее влиянию»⁷⁴.

Одной из своих задач последователи веры бахаи видят в позитивном преобразовании общества, где каждый заботится о благополучии и безопасности другого, и берёт на себя ответственность за своё развитие в духовном и материальном плане. Значительной частью этого преобразования является поддержка общиной различных видов образования⁷⁵, а именно: духовного, интеллектуального и физического, а также проведения встреч для совместного поклонения Богу. Организация подобной деятельности происходит через процесс совещания бахаи и тех, кто разделяет цели трансформации общества, по насущным вопросам. Особенностью веры бахаи является то, что совещание также является важным аспектом для личного мистического пути к Богу.

Авторитетными для бахаи текстами являются Святые Писания Бахауллы и Баба, авторитетные толкования Абдул-Баха и Шоги Эффенди. Тексты Всемирного Дома Справедливости также являются для бахаи авторитетным руководством и обладают статусом разъяснений.

2.3. Наименование и место в классификациях религий

Ввиду того, что в научной литературе можно найти разночтения относительно наименования данного вероучения, стоит упомянуть, что наиболее приемлемыми названиями религии можно считать «вера бахаи», «религия бахаи», как употребляемые самими последователями. Это представляется верным, в свете того, что большинство научных терминов, обозначающие религии или эзотерические организации, возникшие относительно недавно, употребляются в исследованиях именно таким образом. «Ислам», а не «магометанство»; «теософия», а не «теософизм», и тому подобные. До 1990-х годов зачастую употреблялись термины «бахаизм», или «бехаизм», которые на момент написания работы можно считать устаревшими. Слово «бахаи» используется как для обозначения религии, её последователей, а также как прилагательное для описания относящихся к вере бахаи объектов. В русском языке слово «бахаи» не изменяется по числам и падежам, ударение ставится на последний слог (в английском - на первый).

В вопросе отнесения веры бахаи к той или иной категории можно обнаружить различные позиции. В большинстве случаев веру бахаи ученые определяют, например, как «мировую религию» или «независимую религию» (Н. Смарт, М.Момен, Д. В. Пивоваров, А. А. Грицанов, А. Тойнби, Ю. А. Иоаннесян, У. Хэтчер, А. В. Мартыненко, и др.). Так же с различной степенью обоснованности используются такие категории, как «новое религиозное движение» (В. А. Мартинович, Д. А. Таевский, Л. И. Григорьева, В. Б. Яшин) или «церковь» (П. Бергер).

Сами бахаи подчеркивают самостоятельный по отношению к другим традициям характер своей религии и определяют себя как последователи новой мировой религии, которая является естественным продолжением предыдущих по времени мировых и большинства

⁷⁴ *Вера Бахаи*. Община бахаи России. — Централизованная религиозная организация "Община последователей веры Бахаи в России" / URL: <http://bahai.ru/duhovnaya-jizn> (дата обращения 21.05.2017)

⁷⁵ *Мартыненко А.В.* История распространения религиозной общины бахаи в России (имперской, советской, постсоветский периоды) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6-1. С. 292-298.

национальных религий, аналогично тому как христианство претендует на то, что является развитием иудаизма. Бахаулла пишет, что «сие есть неизменная Вера Божия, вечная в прошлом, вечная в грядущем».⁷⁶

2.4. Контекст возникновения веры бахаи. Особенности мистических учений, существовавших в Иране в середине XIX века

При изучении веры бахаи важно рассмотреть тот набор идей и концепций, который повлиял на дискурс основателей данной религии. Можно сказать, что новая религия, выстраивая свою идентичность, возникает в диалоге с материнской религией, в лоне которой она зародилась. Так христианство проясняет свои идеи в полемике Иисуса Христа с иудейскими фарисеями, а буддизм обозначает своё понимание природы мира и человека в диалоге Будды с идеями индуистских брахманов. Этот важный факт поможет нам в изучении и понимании феномена мистицизма бахаи.

Так как вера бахаи возникла в исламском контексте, очертим круг течений ислама, которые имели влияние на среду, в которой проповедовали Баб и Бахаулла. Основным религиозным течением Ирана в XIX веке был ислам шиитов-«двунадесятников», кроме того, серьёзное влияние на религиозную мысль оказывали исламские мистики – суфии, а также исмаилиты, отделившиеся от «двунадесятников» после имама Джафара ас-Садика в VIII веке. В контексте изучения возникновения движения Баба важно упомянуть и шейхитов — небольшой секты, вероучение которой стало основой для первой проповеди Баба. Все эти религиозные общины имели собственное понимание ислама как религии, обладали рядом самостоятельных эзотерических и мистических доктрин.

Кроме ветвей ислама, стоит упомянуть так же «благую веру», или зороастризм, которая в отличие от авраамических корней ислама имеет ведические корни. Отделение древнеиранских племен от древнеиндийских произошло, видимо, во втором тысячелетии до н. э. Успев побывать государственной религией во время правления династии Сасанидов (III–VII вв.), зороастризм вдохновил на свою проповедь Мани – основателя манихейства. К моменту возникновения религии бахаи зороастризм, так же как манихейство, угасли. Однако отдельные идеи этих верований прочно вошли в народную культуру Ирана, и их следы можно найти в вероучении бахаи.

В рамках исследования мистической составляющей бахаи вероучение шиитов-«двунадесятников» наименее значимо. К началу проповеди Баба данное направление ислама представляло собой наиболее консервативное религиозное крыло из всех выше обозначенных. Путь шиизма можно описать как институциональный и легалистский — мистической составляющей в нём почти не было места. Простому верующему достаточно было следовать указаниям богословов и соблюдать законы шариата. Вторая, более многочисленная ветвь ислама — суннизм, так же прочно утвердилась на этом пути.

Самой важной для нашего исследования концепцией «двунадесятников» (от которой пошло их второе название — имамиты) стала вера в то, что возглавляющий общину потомок пророка — имам, обладает непогрешимостью и врождённым особым знанием (*илм*) и превосходит всех в понимании экзотерического (*захир*) и эзотерического (*батин*) значений Корана⁷⁷. Эту же веру разделяли и исмаилиты, которые вели свою цепь преемственности от второго сына Джафара ас-Садика — Исмаила ал-Мубарака, в то время, как имамиты — от третьего — Мусы ал-Казима.

⁷⁶ Бахаулла. Крупицы из Писаний, LXX

⁷⁷ Дафтари Ф. Краткая история исмаилизма. Традиции мусульманской общины. — М.: АСТ, Ладомир, 2004. — 288 стр. — стр.31

Ещё одна ветвь ислама — суфизм — зародилась в VIII-IX веках н.э. в жёстко очерченной с двух сторон среде суннитов и шиитов, и путь её был непрост. Поначалу суфии не вызывали беспокойства из-за своего небольшого количества, но с ростом числа последователей и возникновения знаковой фигуры раннего суфизма Хусайна ибн Мансура ал-Халладжа отношение к ним официального духовенства меняется. Как пишет А.Шиммель: «Против Халладжа выступили как шиитские группировки, так и суннитские традиционалисты. Все они боялись, что духовное обновление народа может привести к нежелательным изменениям в социальной организации и даже в политической структуре общества»⁷⁸. К концу X века суфизм стал трансформироваться в более умеренные формы — суфии доказали своему окружению, что их принципы ни в чём не противоречат традиции. Они не отвергали религиозный закон, но наоборот ужесточали его требования в своей жизни, основываясь на более глубоком и личном понимании Корана, исследовании исламского предания и подражании пророку Мухаммаду. Диалог Баба и Бахауллы с суфиями является важным для нашего исследования, поэтому мы кратко остановимся на основных моментах суфийской доктрины, которые рассматривает Аннемари Шиммель в своём фундаментальном труде «Мир исламского мистицизма».

В период своего формирования суфизм означал прежде всего интериоризацию ислама, личное переживание его главной тайны — провозглашения единства Бога, или *таухид*. Суфии не интересовали споры правоведов или теологов, в своём желании получить непосредственное знание Бога они часто призывали учеников «стремиться приподнимать завесы, а не собирать книги».⁷⁹ Такое поощрение антиинтеллектуализма среди суфиев в своей среде через некоторое время породило множество притворщиков, а стремление к аскетизму и внешним эффектам, привело к окончательному упадку суфизма в Персии XVIII века, когда многие принимали за «истинных святых» попрошайек и шарлатанов дервишей.

Однако, путь, который прошли суфии в своей страсти к мистическому опыту, те поэтические образы познания и взаимоотношений с Создателем и специально разработанный язык для их описания, невозможно переоценить. Быть суфием — значит следовать к Богу тремя путями: через закон ислама — *шариат*, через мистический путь — *тарикат* и через осознание Истины — *хакикат*. Это же одновременно и три уровня очищения. Первый очищает душу от низменных качеств и пороков, второй — от бремени человеческих свойств, на третьем «достигается очищение и избрание на уровне атрибутов — неотъемлемых свойств».⁸⁰ Мистический путь души к Богу индивидуален, поэтому среди мистиков всегда можно встретить огромную палитру личностей — от аскетов, до ценителей Вечной Красоты, от пламенных борцов за веру и создателей пламенных гимнов до поэтов и творцов сложных теософских систем. Однако та идея, которая роднит между собой всех мусульманских мистиков — это концепция «предвечного завета» (*мисак*), о которой говорится в 7 суре Корана. В соответствии с ней, суфии стремятся вернуться к тому опыту, когда ещё ничего не существовало, когда Бог ещё не вызвал будущие творения из бездны небытия. Глубочайшее исследование Корана позволило им открыть грани состояний человеческой души и то, что Бог ближе к человеку, чем ярёмная вена⁸¹ и «в то же время, Он Господь и Творец мироздания, одновременно имманентный и трансцендентный ему»⁸². Многих вдохновляли поиски Величайшего Имени Бога, суфии мечтали, что с его помощью они достигнут блаженства в этом и последующем мире.

⁷⁸ Шиммель А. Мир исламского мистицизма. — стр.79

⁷⁹ Там же — стр.32

⁸⁰ Там же — стр.30

⁸¹ Коран 50:16

⁸² Шиммель А. Мир исламского мистицизма. — стр.39

Тайна контраста между Милостью и Справедливостью Божьей, названная Рудольфом Отто *mysterium fascinans* и *mysterium tremendum*, заставляло суфиев отчаянно искать Бога. Любовь к Богу и гнозис (знание сердца) — вот основные темы для их исследований. Зу-н-Нун — первый из суфиев, кто сформулировал теории *фана`* и *бака`* — уничтожения в Боге и бытия в Боге. После Байазиды у суфиев появилось неутолимое желание Единения со Всевышним через аскезу и попытку повторения опыта *мираджа* – вознесения пророка Мухаммада на небо; после Рабии учение окрасилось поиском Предвечной Красоты и Сущности Любви. Сахл и Харраз размышляли над проблемой святости, а Джунайид разработал учение о необходимости второго трезвения, когда человек, после мистического опыта вновь осознаёт себя «пребывающем в Боге». После Нури и Шакика появилась теория Божественного света, который ведёт верующего и пребывает на его пророках, а после Халладжа большинство из мистиков стало считать Бога единственной Реальностью (*ал-хакк*), потому что только Он имеет право сказать: «Я». Более поздние мистики разработали систему вакфа – стоянок на пути души к Богу через молитву, чтение Корана, пост, техники экстаза и медитации. Они тщательно разработали доктрину о необходимости учителя, который защищает ученика на его пути. Они размышляли над глубинами закона ислама, его ритуалами и обычаями, над союзом мистицизма и закона. И, наконец, суфии сыграли решающую роль в развитии коранических наук и персидской поэзии.

Рассмотрев основные положения суфизма, упомянем школу Шайха Ахмада Ахсаи. Названные по его имени, шейхиты, хотя и оставались в лоне шиизма, проповедовали ряд уникальных эзотерических доктрин и отличались усиленными мессианскими ожиданиями. Данная школа (в своём раннем изводе) предложила новые подходы к традиционным шиитским догматам. И хотя эти подходы основывались на изречениях имамов, они были поистине революционными для шиитской богословской мысли⁸³. Продолжатель и преемник Ахмада Ахсаи — Сайид Казим Рашти, скончавшийся за год до начала проповеди Баба, по сути подготовил к ней своих учеников. Шайх Ахмад по словам В.Рафати⁸⁴ в результате продолжающихся медитаций и декламирования Корана стал видеть повторяющиеся сны об имамах, которые стали для него источником всякого знания и вдохновения.

Рассматривая основные положения шейхизма, указанные в предисловии российского востоковеда Ю.А. Иоаннесяна к переводу наиболее значимого труда Сайида Казима «Основополагающие догматы веры», можно сделать вывод, что исследование Божественного у шейхитов преимущественно катафатично. В сфере присущих Богу атрибутов, Его можно описать лишь через позитивные утверждения (знание, мощь) — это недостижимая для человека область познания, так как познать эти качества равносильно познанию Самого Божества. Допустимая для мистика сфера — это сфера возможного, где Бог проявляет Себя как через наличие атрибутов, так и через их отсутствие (воля, изволение, речь). Таким образом, одинаково верны утверждения о познаваемости Бога и о Его непознаваемости. Шейхизм утверждает, что, хотя творению и присущи связи, ни одна из них не простирается до Бога в Его Сущности. Для того, чтобы открыть доступ к Божественному существуют посредники: пророки и имамы. Пророком может быть тот, кто сущностно на это способен, то есть является уникальным созданием. Пророки непогрешимы, они отбираются Богом по следующему принципу: «Истинный, Преславный и Всевышний низводит от Себя благодать на другие создания посредством того человека, который отозвался первым. ... пророки суть люди, кои первые откликнулись»⁸⁵.

⁸³ *Рашти, Сайид Казим. Основополагающие догматы веры/ пер. с перс., вступ. и коммент. Ю.А. Иоаннесяна. — Спб : Петербургское Востоковедение, 2011. — стр.6*

⁸⁴ Цит. по: Там же — стр.9

⁸⁵ Там же — стр.21

Данные положения шейхитов схожи с теми, что описал Бахаулла в своих трудах, хотя есть и ряд существенных отличий. В любом случае, наличие подобных убеждений у шейхитов помогло большинству из них с лёгкостью принять личность Баба, а затем и Бахаулла, как Божьих Посланников и основателей новой религии. Этому способствовала и доктрина о том, что «восстание из мёртвых» и «возвращение» пророка Мухаммада и имамов произойдёт не в физических телах, как это представлялось у шиитов, и то что Судный день можно понимать, как день пришествия Каима, в который все знамения Корана и хадисов Пророка осуществляются символически. Подготовив почву для веры баби, шейхизм «занял нишу кумранской идеологии, которую многие исследователи рассматривают как промежуточное звено между иудаизмом и христианством»⁸⁶ во взаимоотношениях ислама и веры бахаи.

2.5. Историческая оценка роли мистицизма в вере бахаи

Чтобы оценить мистицизм последователей религии бахаи, интересно взглянуть на общину в ретроспективе. Любая религия проходит через различные этапы своего развития, когда соотношение «рациональное-иррациональное» среди последователей неодинаково, и запрос среди верующих на «мистичность» различен. Так на примере христианства или ислама мы можем проследить смену периодов потребности общины в ощущении нуменозного на потребность в организационной функции религии и наоборот. Эти периоды сменяют друг друга. Опираясь на терминологию французского философа Анри Бергсона, который делил религию на статическую и динамическую, для описания уровня мистичности религии в конкретный период времени мы можем использовать образ маятника. Данный маятник в своём нижнем положении обозначает рациональное осмысление, развитие схоластики, институализацию религии и рациональность в организации общества, а в верхнем — период расцвета мистицизма, потребности в живом общении с Богом, понимании глубинных смыслов и сокрытых значений писаний религии. С философской точки зрения маятник мистичности религии колеблется до тех пор, пока весь потенциал религии не исчерпается — его размах всё меньше и меньше, пока статическая религия полностью не заменит собой динамическую.

История веры бахаи началась с личности сейида Али Мухаммада Ширази — Баба, первыми апостолами которого (Буквами Живого) были члены мистической секты шейхитов. Шейхиты верили, что обещания Корана о Часе Суда должны сбыться в ближайшее время. Баб начал свою миссию с мистического толкования Корана. В своём анализе писаний Баба Роберт Стокман приводит сведения, что в своих комментариях Баб толковал не только слово за словом, но букву за буквой.⁸⁷ Первые последователи не думали об учении как таковом, для них была важна сама личность Баба и те тайны мироздания, которые он им открывает. После этого движение Баба стало быстро и ощутимо расти, отчасти из-за разящего контраста между нравами Персии того времени и той моральной парадигмой, которую провозглашал и олицетворял собой сейид Али Мухаммад. Первый тафсир (комментарий) Баба к суре Корана «Корова», начатый ещё до провозглашения миссии, в декабре 1843 года, был посвящён этике, морали и духовному пути человека.⁸⁸ В «Каййум-уль-Асма» — книге, которая была главной до записи «Персидского Байана», Баб объявляет о независимости и универсальности своего откровения и предзнаменует своё мученичество. Писания Баба крайне сложны для перевода, они содержат большое количество метафор, аллюзий, суфийских и нумерологических приёмов.⁸⁹ Они привлекли к себе большое количество богословов, которые

⁸⁶ Там же

⁸⁷ *Stockman R.* The Writings of the Bab. A Survey Based on English Language Sources. URL: http://bahai-library.com/stockman_writings_bab (Дата обращения 30.06.17)

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Ibid.

находили в них ответы на запутанные вопросы Корана и часть суфиев, которые настаивали на исключительно личном пути познания Бога, в основном же община состояла из простых людей, очарованных личностью самого Баба и его примером. Уровень ранней общины Бахауллы был практически идентичен за одной лишь разницей: Бахаулла последовательно начал закладывать основы институтов своей религии. Начав с очерчивания в писаниях основ административного установления религии, он перед смертью назначает своего старшего сына Абдул-Баха авторитетным толкователем учения, призванным развить систему институтов Веры.

Молодая религия времён Абдул-Баха всё ещё очень мистична и направлена на духовный поиск пути: люди приходят в веру бахаи, очарованные магнетической фигурой Абдул-Баха, и движение развивается преданностью последователей и желанием поделиться счастьем от обретения нового Откровения с другими. Абдул-Баха вёл проповедь там, где его готовы были слушать, в том числе, в популярных тогда спиритуалистических клубах — последователи, которые приходили оттуда, искали нового духовного опыта. Если смотреть на раннюю историю первой западной — американской общины, то мистические вопросы так же были самыми главными в становлении новой религии. Первым верующим, который прибыл на американский континент для её распространения, был Ибрагим Хейролла.⁹⁰ Доктрина, которую он преподавал на своих лекциях имела очень отдалённое отношение к тому, что провозглашал Бахаулла, по этой причине, верования американской общины бахаи начала XX века составляли причудливую смесь эзотерических концепций поисков духа и принципов Единства самого Бахауллы.⁹¹ Сам Хейролла имел несколько бесед с Абдул-Баха на тему несоответствия своих убеждений постулатам религии Бахауллы и, в итоге, вышел из веры бахаи.⁹²

С появлением во главе бахаи Хранителя Веры — Шоги Эффенди, религия делает поворот в сторону институализации. В этот период религия естественным образом самоочищается от той части верующих, которые искали в писаниях Бахауллы и Баба только мистические озарения, но которым не близка была концепция служения другим людям. Маятник мистичности веры бахаи в это время продолжает идти вниз. «Духовный опыт, — писал Шоги Эффенди — безусловно, может оказать большое воздействие на нашу личность, а следовательно — возбудить глубокий интерес, однако самое важное сегодня — забыть его и идти в мир, пытаясь спасти род человеческий от надвигающейся катастрофы. Таков призыв сего дня, такова обязанность каждой души, желающей следовать по пути, проложенному Бахауллой»⁹³. Сделав упор на развитие местных и национальных институтов веры, Шоги Эффенди привлекает в веру администраторов, очарованных стройным порядком мироустройства, предлагаемого Бахауллой, и пламенных учителей веры, вдохновлённых идеей служения людям. При том, что личность самого Хранителя была пронизана глубоким религиозным чувством и трепетом по отношению к центральным фигурам Веры, новые последователи были куда менее мистичны, чем ранее. Мистикам больше свойственно созерцать и менее свойственно действовать, а молодой религии необходимо было развиваться. После того, как во главе общины встал Всемирный Дом Справедливости, избранный как результат быстрого и широкого распространения религии бахаи по земному шару, работа по росту и институализации веры бахаи продолжилась.

⁹⁰ Hollinger R. "Wonderful True Visions": Magic, Mysticism, and Millennialism in the Making of the American Bahai Community// Search for Values: Ethics in Bahá'í Thought, Los Angeles: Kalimat Press, 2004. — P. 207

⁹¹ Ibid. — P. 209

⁹² Базиленко И.В. Бахаизм: история вероучения (сер. XIX - нач. XX вв.). — М., 1994

⁹³ Хорнби Хелен. Светочи руководства. Парапсихологические явления. — раздел 1774

Через четверть века Всемирный Дом Справедливости начал поиски путей решения баланса между ростом числа последователей с одной стороны и мистической связью последователей с Богом с другой. В 80-90-е годы XX века появились различные программы, такие как: «Одухотворение общины» в Ирландии, «Древо жизни» на Гавайских островах, США, «Институт Рухи» в Колумбии. Последний был рекомендован Всемирным Домом Справедливости по всему миру, так как отвечал задачам развития духовных способностей индивида и развития его навыков служения обществу. Движение мировой общины, начатое в 90-х годах XX века направлено к становлению «такого типа верующего, который в высшей степени уверен в эффективности методов и инструментов Плана», «необыкновенно искусен в их использовании» и является «свидетельством преобразующей мощи Веры.»⁹⁴

⁹⁴ *Всемирный Дом Справедливости*. Послание бахаи всего мира в Ризван 2009 года. / URL: http://bahaiarc.org/109-uhj/ridvan_messages/358-ridvan-2009 (дата обращения 03.05.2017)

Глава 3. МИСТИЦИЗМ В ВЕРЕ БАХАИ

3.1. Взгляд на религию бахаи как на рациональную религию

Если проанализировать исследования и фундаментальные работы, посвящённые вере бахаи на русском языке, то мы увидим следующую картину: ни одна из работ не описывает мистическую составляющую этой религии. Принцип гармонии науки и религии и сильная социальная составляющая этого вероучения затмевают в трудах исследователей и самих авторов-бахаи вопрос мистического опыта и личной связи Бога и человека, так развитых в православии и исламе. Как мы уже описали в предыдущей главе, на это есть объективные исторические причины.

Феномен мистицизма бахаи мало исследован и на Западе. Данная работа является первой русскоязычной попыткой исследовать данный вопрос, обозначить его предпосылки, провести параллели с мистицизмом в уже хорошо изученных религиях. В исследовании нам пришлось опираться на писания самой религии, тогда как для более полной картины, разумеется, необходим пласт размышлений последователей, испытавших и отрефлексиовавших собственный мистический опыт.

Для того, чтобы подступиться к вопросу, обратимся к мнению Рудольфа Отто, который говорит, что «то, о чем у нас идет речь и что мы попытаемся в какой-то степени передать, т.е. дать почувствовать, живет во всех религиях как подлинное их внутреннее ядро, без которого они вообще не были бы религиями»⁹⁵. Разделяя ортодоксальный подход и мистический, он пишет, что «при обучении ортодоксия не находит способа каким-то образом воздать должное иррациональности своего предмета, дабы сохранить его в набожном переживании во всей жизненности, что из-за своей явной недооценки иррационального она скорее односторонне рационализирует идею Бога»⁹⁶. Исходя из этого предположения, мы попробуем проанализировать веру бахаи на предмет наличия в ней предпосылок к возникновению мистицизма.

В работе «Таинственный Кубок: Сущность Мистической Природы веры Бахаи» американского исследователя Лероя Джонса описывается сильный мистический характер первых дней веры Баба. Он приводит отрывки из хроники Набиля «Вестники рассвета» о первой встречах Баба и его будущих апостолов – Букв Живого. Первый из Букв Живого Мулла Хусейн вспоминал: «Я продолжал сидеть, зачарованный Его голосом, забыв о времени и спутниках, ожидающих меня. Вдруг голос муэдзина, призывающего верующих к утренней молитве, вывел меня из состояния восторга, в котором я находился. В эту ночь я испытал все наслаждения и всю неопишуемую славу — то есть обрел те бесценные сокровища, которыми, как говорит Бог в Своей Книге, обладают райские жители»⁹⁷.

Набиль пишет о дальнейших встречах: «Слова из Писаний были явлены тогда в атмосфере, когда казалось, вся комната наполнилась новым духом под действием небесной мощи, исходящей от Его вдохновенных речей. Всё в этой комнате словно бы провозглашало такое свидетельство»⁹⁸. Джонс описывает, что «покорённые, эти два избранных апостола откликнулись на божественный зов, и причастились от "чудесного кубка, чаши бессмертия"»⁹⁹. Описывая ситуацию в которой встретились Баб, Мулла Хусейн и Куддус –

⁹⁵ *Отто Р.* «Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным»

⁹⁶ Там же

⁹⁷ *Набиль-и А'зам.* Вестники Рассвета. Повествование о ранних днях Откровения Бахаи [Текст]: в 2 т. пер. с англ. — М.: Централизованная религиозная организация «Община последователей веры Бахаи в России», 2014

⁹⁸ Там же

⁹⁹ *Jones L.* The Mystic Cup: The Essential Mystical Nature of the Bahá'í Faith - Lights of 'Irf án Article// English language. – 2010 - P. 75

последний из избранных Бабом Букв Живого Л. Джонс продолжает: «Однажды, когда Баб в сопровождении Муллы Хусейна возвращался домой, им встретился юноша. Подойдя к Мулле Хусейну, он обнял его и спросил, достиг ли тот своей цели. Увидев в отдалении Баба, Куддус стал умолять Муллу Хусейна достичь присутствия Обещанного. Тот попытался было успокоить его и посоветовал ему немного отдохнуть, обещая, что позже все ему объяснит. Но юноша не захотел слушать этих советов. Покинув его, Мулла Хусейн поспешил присоединиться к Бабу и передал Ему разговор с юношей. «Не удивляйся, — заметил Баб, — его странному поведению. Мы общались с этим юношей в духовном мире. Мы уже знакомы с ним»¹⁰⁰. И Набиль вопрошает: «... что как не мистические узы связали их души вместе?».

Вопрос, который адресуется к читателю Лерой Джонс, который сам является последователем данной религии, следующий: «На протяжении последних двадцати пяти лет, с того момента как я стал бахаи, прочитывая аналогичные отрывки, про первых баби и спрашивал себя: "Что случилось? Почему мы теперь как будто отделились от этих глубоко духовных корней?" Следует признать, что эти первые последователи были подвержены огромным излияниям духовной силы. Тем не менее, когда я открывал для себя все больше и больше писаний бахаи, которые связаны с мистикой, я убедился, что это в значительной степени упущенная из виду часть веры бахаи. Эта проблема становится особенно острой, если мы признаем, что вера бахаи обладает, по оценке данного автора, одним из самых мощно развитых и изысканно красивых когда-либо созданных корпусов мистических текстов.»¹⁰¹ Недостаточность исследований мистицизма бахаи отмечает и ряд других авторов. Джэк МакЛин пишет о том, что мистические элементы веры бахаи остаются недоизученными¹⁰², а Кавиан Садехзаде Милани соглашается с ним, добавляя, что «откровение Бахауллы приглашает всех причаститься Мистического Эликсира, в результате Божественного «алхимического» воздействия которого, души превратятся из меди в золото и исцелятся»¹⁰³

Лерой Джонс пытается найти причины такого слабого исследования вопроса, он отмечает, что «существует тенденция среди бахаи в США слабого понимания данного предмета. Эта тенденция связана с присвоением слова обществом в целом, которое стремится смотреть на мистическое, как на таинственное или паранормальное явление без необходимости связывать это с религией. Кроме того, некоторые бахаи отгораживаются от мистицизма как от рискованной, созданной в своих мыслях духовной реальности или как от опасного стремления к элитному и эксклюзивному знанию. Кроме того, среди Бахаи есть некоторая тенденция ассоциировать слово «мистицизм» с многими школами восточного мистицизма. ... Все описанные выше опасения могут быть оправданными, и они поднимают серьезные вопросы. Однако, вероятно, что проявление чрезмерной осторожности в этих областях, парализует важные усилия на арене обоснованных мистических поисков»¹⁰⁴.

Ситуация, описанная для США, вполне подходит и для постсоветских стран. Столкнувшись с волной эзотерических и мистических учений Россия и ближнее зарубежье оказалось не готово к научному осмыслению данного феномена и это наглядно показано в статье к.ф.н, эзотериолога С.В. Пахомова «Специфика современной российской эзотериологии».¹⁰⁵

¹⁰⁰ Ibid

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² *McLean Jack*. Correlating Mystical Experience to the Knowledge of God. - Paper presented to the Irfán Colloquium, Louhelen at Bahá'í School, Davison, Michigan, October 2000

¹⁰³ *Kavian Sadeghzade Milani*. The Mystical Dimensions of the Bahá'í Administrative Order. - Lights of 'Irfán Article// English language. – 2011 – P. 106

¹⁰⁴ *Jones L*. The Mystic Cup: The Essential Mystical Nature of the Bahá'í Faith

¹⁰⁵ *Пахомов С.В.* Специфика современной российской эзотериологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. №4 (31). С.36-65

Автор отмечает, что с начала 1990-х гг. в религиоведении развернулись исследования эзотеризма как комплексного предметного поля. Это же совпало с эзотерическим бумом в постсоветском пространстве, когда причудливая смесь мировоззрений на рынке религиозных услуг дало огромную эмпирическую и теоретическую базу для специалистов. Пахомов отмечает, что методологическая база для данных исследований была достаточно слабо проработана, а среди исследователей имело «инициатическое» отношение к предмету исследования, либо резко критические оценки эзотеризма, основанные на религиозных (православных) пристрастиях и остатках марксистской идеологии. В данном ключе неудивительно, что при слабом понимании предмета даже в научной среде попытки отгородиться от мистической составляющей религии бахаи вполне естественны.

Однако на момент написания данной работы ситуация изменилась в лучшую сторону: интерес научного сообщества разворачивается в сторону эзотеризма и мистицизма, как значимых для общества феноменов, что подтверждает востребованность изучения мистической составляющей религии бахаи.

3.2. Предпосылки возникновения мистицизма бахаи

В одном из системных посланий Всемирного Дома Справедливости от 28 декабря 2010 года, посвящённому плану мировой общины, руководящий орган религии бахаи следующими словами описал причины, которые должны побуждать последователей к действиям: «Община Величайшего Имени, состоящая из таких людей и институтов, превращается в то исполненное духа поприще, где силы умножаются в объединённом действии. Именно о такой общине пишет Абдул-Баха: «Когда души станут истинными верующими, они обретут духовное родство и выкажут такую чуткость, что не от мира сего. Они опьянятся от глотка Божественной любви, а их союз, их узы пребудут вечно. Те души, что предадут свое эго забвению, избавятся от человеческих пороков и отрешатся от бремени людских страстей, вне всякого сомнения, озарятся небесными лучами единения и все как одна достигнут подлинного союза в том мире, где не властна смерть»»¹⁰⁶.

Мистический образ «опьяненных Божественной любовью» часто используется в писаниях бахаи, как мы видим, он используется и посланиях Всемирного Дома Справедливости. В послании к Ризвану 1993 года ко всем бахаи они прямо призвали развивать "мистическое чувство": «Важное условие поддержания жизнеспособности веры – воспитание чувства духовности – того мистического чувства, которое соединяет человека с Богом и достигается посредством молитвы и медитации»¹⁰⁷.

Невозможно игнорировать мистический характер личностей основателей религии, отсутствие у них образования, необходимого для рационального объяснения столь огромного пласта тем, обозначенных в писаниях. Многочисленны истории про Бахауллу, который внезапно появлялся перед мучениками веры, ободряя их в момент пыток, будучи за сотни километров от них, о том, как он читал мысли и являлся во снах, про то, что засланных к нему опытных убийц охватывал неведомый страх, о наделении Бахауллой последователей внутренним знанием иностранных языков, о воскрешении мёртвого, над которым, по указанию Бахауллы, была прочитана Абдул-Баха исцеляющая молитва и прочих моментах его жизни¹⁰⁸.

¹⁰⁶ *Послания Всемирного Дома Справедливости* / "Сибирская инициативная группа", 2011

¹⁰⁷ *Всемирный Дом Справедливости. Послание бахаи всего мира в Ризван 1993 года.* / URL: http://bahaiarc.org/collections/bibliography-b/parabahai/109-uhj/ridvan_messages/2213-ridvan-1993 (дата обращения 03.05.2017)

¹⁰⁸ *Фурутан А-А. Рассказы о Бахаулле* / Пер. с англ. — М. : Копиринг, 2016

Конечной целью каждой религии, в узком смысле, является трансформация личности. Бахаулла называет этот процесс «мистическим преображением», описывая его следующими словами: «Очевидно, что кроме сего таинственного преображения, ничто не могло бы побудить их явить в мире бытия таковой дух и таковые поступки, кои совершенно отличны от их прежних нравов и привычек. Ибо их суетность обратилась в спокойствие, их сомнения — в убежденность, их робость — в мужество. Такова сила Божественного Эликсира, что в мгновение ока преображает души человеческие!»¹⁰⁹

Существует два высказывания Шоги Эффенди, которые формулируют мистическую основу веры бахаи. Первая говорит о том, что мистицизм является сердцевинной её вероучения: «... дух времени, если оценивать в целом, нерелигиозен. Перспективы жизни человека слишком грубы и материалистичны, чтобы позволить ему воспарить в высшие сферы духа. Именно эту настолько болезненную ситуацию, в которой оказалось общество, религия стремится улучшить и преобразовать. Сердцем религиозной веры является то мистическое чувство, которое соединяет человека с Богом.»¹¹⁰

Второе высказывание говорит о важности развития мистического чувства для религии в целом: «Вера Бахаи, как и все другие Божественные религии, в самой основе своей мистична по своей природе. Её главная цель состоит в развитии личности и общества, путем обретения духовных добродетелей и сил. Первое, что следует напитать — это душа человека. И молитва может наилучшим образом обеспечить эту духовную пищу. Законы и институты, как показывает Бахаулла, могут стать действительно эффективны только тогда, когда наша внутренняя духовная жизнь была усовершенствована и преобразилась. В противном случае религия вырождается в обычную организацию, и станет мертвой»¹¹¹.

Таким образом в писаниях самой религии содержатся фундаментальные предпосылки, если не сказать прямые указания, для развития мистицизма. Наиважнейшими средствами из них у бахаи, как уже было неоднократно упомянуто, являются молитва и медитация. Именно они способствуют развитию мистического чувства, характеризуемого чувством «вхождения в Божественное Присутствие». Однако, нам бы хотелось сосредоточиться на некоторых менее исследованных моментах, которые связаны с темой мистицизма.

В последующих разделах мы рассмотрим эти основные моменты.

3.3. Бог и путь человека к Нему

Если рассматривать классические доктрины монотеистических авраамических религий, разработанные на основе писаний этих религий теологами и богословами, то им в высшей степени свойственно понимание Бога как Личности. Бог выступает в них как Совершенный Творец, который общается со своими последователями, указывает им путь и обладает качествами, волей и целями. Развитие богословия иудаизма, ислама и, в особенности, христианства делает на этом акцент. В то же время, индийские религии склонны уходить от этого понятия за высшей реальностью индуизма (брахман) или концепцией универсального закона в буддизме. Однако, если мы возьмём точки зрения различных мистиков этих религий, то они не будут столь однозначны, более того, их взгляд будет направлен между строк писаний, где размышления о природе Трансцендентного будут преломлены через призму собственного опыта и природу Истинно Реального, что они пытаются познать. Немецкий христианский мистик Мейстер Экхарт XIII-XIV вв., предвосхитивший диалектику Гегеля и повлиявший на Лютера, писал: «День души и день Бога различны. ... Утверждение о том, что

¹⁰⁹ Бахаулла. *Китаб-и-Иган / Духовное Собрание Бахаи России – СПб.: Единение, 2000.*

¹¹⁰ *Shoghi Effendi, Baha'i News 102, August 1936, p. 3 in Compilation of Compilations, Vol. 2, pp. 237, 238*

¹¹¹ *Shoghi Effendi. Цит. по Compilation of Compilations, Vol. 2, p. 238.*

мир был создан вчера или будет создан завтра не имеют смысла. Бог творит мир и все вещи в нём в этот самый миг»¹¹². «Бог-Отец и Бог-Сын пребывают вне времени. ... Твоё сердце полно прошлыми и предыдущими преобразованиями вещей, и потому тщетны твои усилия познать вечные истины. Эти истины открываются лишь внутреннему взору»¹¹³.

Исследователь дзен-буддизма Д.Т. Судзуки пишет, что «Бог Экхарта находится за пределами математически исчислимого времени. Творение мира Богом – это не случайность и не историческое событие, его нельзя охарактеризовать количественно. Оно продолжается непрерывно и без конца. Оно свершается во вневременности из пустоты, из Абсолютного Ничто. Это созидание – чистая любовь, полностью свободная от хронологических и телеологических ограничений. ... идея о сотворении Богом мира из пустоты в абсолютном настоящем – а, значит за пределами линейного времени – вполне приемлема для буддиста. Возможно, он примет её в качестве одной из интерпретаций учения о Пустоте (шуньяте)»¹¹⁴. «Красочные переживания Экхарта, - пишет Д.Т. Судзуки – коренятся в глубоко экзистенциальной сущности Бога, который является одновременно бытием и не-бытием»¹¹⁵

Божество Экхарта непостижимо и невыразимо, оно есть «полная чистота божественной сущности», где нет никакого движения. Эта концепция близка и иудейскому мистицизму с его концепцией Эйн Соф, хотя каббалисты не зашли так далеко в понимании Бога вне времени и считали, что до сотворения мира — непостижимое ничто — явило Себя как Бог-Творец (Элохим). Эйн Соф в свою очередь близок к неоплатонической концепции Единого, с его эманациями, в результате которых образуется множественный мир «иноного» и материя.

Как видно из вышеперечисленных концепций, мистический уровень понимания Сущности Бога в различных религиях намного ближе друг к другу, чем уровень теологический, мистицизм признаёт диаметрально противоположное понимание Бога: одновременно как Личность и как Божественное Ничто.

В этом плане теология бахаи *изначально* глубоко мистична — Бог предстаёт в писаниях Бахауллы абсолютно непознаваемым — Тем, кто превыше любого рационального понимания человека, в том числе личностного или безличностного.

«Да будет вам известно, что Божественная Сущность, которую называют Незримое из Незримых, не может быть описана, она непостижима для ума, она священна и превосходит все то, что можно высказать, определить, обрисовать символом или образом, выразить в восклицании или восхвалении. В том смысле, в каком Оно есть Оно, ум никогда не сможет охватить Его, и человек, взыскующий знания Его, не более чем странник в пустыне, сбившийся с пути.», — пишет Абдул-Баха¹¹⁶.

К Богу, как в Него верят бахаи, можно обращаться в молитве, Он обладает Волей, с помощью которой творит всё сущее, и имеет собственный план в развитии человечества. Но сказать о том, что бахаи считают Создателя личностью, было бы неточным. Как было показано выше, понимание Бога превыше антропоморфной личностной концепции. «Незримое из Незримых» можно понимать и как Пустоту, но правильнее будет говорить о сверхличностной или надличностной природе Бога, о Его трансцендентности, а точнее трансцендентальности, потому что весь мир — это лишь проявление имён и качеств Бога, а душа человека – это запечатлённый образ Божий. Душа человека также непознаваема:

«Истинно говорю Я, душа человеческая есть по сути своей одно из знамений Бога, тайна из Его тайн. Душа — одно из могущественных знамений Вседержителя,

¹¹² Судзуки Д.Т. Мистицизм: христианский и буддийский. - Киев: София - 225с.

¹¹³ Там же

¹¹⁴ Там же

¹¹⁵ Там же

¹¹⁶ *Избранное из Писаний Абдул-Баха* – Пер. с англ./ сост. Отдел исследований Всемирного Дома Справедливости. – СПб.: Единение, 1995

глашатай, что возвещает реальность всех миров Божиих. В глубине ее сокрыто то, что мир ныне совершенно не в силах постичь»¹¹⁷.

Вселенная предстаёт в писаниях бахаи как «свиток, на котором записаны Его [Бога] сокровенные тайны, хранящиеся в Скрижали за семью печатями», она же «воплощение Имени Моего Создатель, Творец. Природа есть Воля Божия и выражение ее в обусловленном мире и посредством его»¹¹⁸. В этом плане можно провести параллели с концепцией эманации, рассмотренной выше. Материальный мир описывается Бахаулла практически в терминах квантового принципа Гейзенберга:

«Что же касается вопроса твоего о том, подвержен ли материальный мир каким-либо ограничениям, то знай, что постижение сей темы зависит от самого наблюдателя. В одном смысле материальный мир ограничен, в другом же он вознесен превыше всех ограничений»¹¹⁹.

Данное определение допускает широкую трактовку смыслов и оставляет открытым поле для объяснения любых явлений природы с помощью субъективного идеализма. Бахаулла утверждает, что весь мир не только зависит от наблюдателя, но и иллюзорен в принципе. То, что мы принимаем за действительность — в реальности не существует.

«Сей мир есть всего лишь суетное и пустое зрелище, полное ничто, создающее видимость действительности. Не привязывайтесь к нему. Не расторгайте уз, что соединяют вас с Творцом вашим, и не будьте из тех, что заблуждаются и сбиваются с Его пути. Истинно говорю Я: сей мир схож с маревом в пустыне, кое жаждущий принимает за воду и изо всех сил стремится туда, но, приблизившись к нему, убеждается, что сие есть одна только видимость»¹²⁰.

Это означает, что для человека существует только один путь, чтобы увидеть мир, как он есть — через встречу с Божественным. Более того, этот мир не единственен. Есть бесчисленное множество духовных миров, которые сокрыты внутри человека. По ним душа человека путешествует, например, во время сна.

«Истинно говорю Я, творение Божие заключает в себе миры, помимо сего мира, и создания, помимо сих созданий. Для каждого из сих миров определил Он сущности, кои никто не постигнет, кроме Него Самого, Всепостигающего, Всемудрого»¹²¹.

Бог «вывел бытие из небытия»¹²², человек принадлежит Богу, и связан с ним как отражение с Источником. «Воистину, все мы принадлежим Богу и к Нему возвращаемся»¹²³ цитирует Бахаулла Коран в поэме «Четыре долины».

Познание Бога рационально невозможно, потому что конечное не может познать Бесконечное. Однако Его познание возможно другими способами. «Всякий человек может обрести свой путь до горних пределов бытия, где при всяком созерцании он видел бы только Бога»¹²⁴, - пишет Бахаулла. Мистический путь познания является желательным, а, по сути, единственным правильным путём для верующего:

«Посему надлежит нам приложить величайшие усилия, дабы с незримой помощью Божией сии мрачные завесы, сии облака посланных Небом испытаний не помешали

¹¹⁷ Бахаулла. Крупицы из Писаний. 2-е изд. испр. Пер. с англ. – М.: ЦРО "Община последователей Веры Бахаи в России", 2009. – 256 с. – раздел LXXXII

¹¹⁸ Бахаулла. Скрижали, явленные после Китаб-и-Агдас / Духовное Собрание Бахаи России; Пер. с англ. – СПб.: Единение, 2004

¹¹⁹ Бахаулла. Крупицы из Писаний. – раздел LXXXII

¹²⁰ Там же – раздел CLIII

¹²¹ Там же – раздел LXXIX

¹²² Бахаулла. Семь долин и четыре долины. Пер.с англ. – СПб.: Единение, 1996. – 59 с.

¹²³ Коран 2:151

¹²⁴ Бахаулла. Семь долин и четыре долины.

нам узреть красоту Его сияющего Лица и дабы мы узнали Его лишь через Него Самого»¹²⁵.

Абдул-Баха поясняет, что рациональные доводы в понимании лишь указывают путь к знанию, но само знание Божественного приходит иррационально:

«когда сердце обратится к Солнцу, откроются очи, и узнают они Солнце через само Солнце. Затем не потребуются уже никакие доводы, ибо Солнце совершенно независимо, а абсолютная независимость не нуждается ни в чем, в том числе и в доказательствах»¹²⁶.

Человек является «зеркалом, отражающим Божественные совершенства», если «очищать» это «зеркало», то можно познать Бога:

«когда настоящий искатель решается сделать шаг по стезе познания Ветхого Днями, надлежит ему, прежде всего, очистить сердце свое ... от затмевающего праха обретенной учености и туманных изречений тех, кто суть воплощения сатанинских мечтаний».¹²⁷

Туманные изречения необходимо заменить изучением Слова Бога, которая в писаниях предстаёт Велением и Милостью Бога, оно «намного превосходит то, что можно постичь органами чувств, ибо оно свободно от всякого качества или вещественности»¹²⁸. Это важно сделать из соображений того, что только в сердце самого человека, если оно кристально чисто, есть ответ на все вопросы, а подражание и возвышение (или умаление) одного человеческого мнения над другим может познать человеку узнать истину.

«Слугам сим надлежит очистить сердце свое, в коем источник Божественных сокровищ, от предубеждения; им должно отринуть подражание, то есть не следовать по стопам предков своих и родителей, и запереть врата приязни и вражды ко всем людям земли.»¹²⁹.

Для того, чтобы быть уверенным, что ответ, полученный в размышлении, верный его необходимо сверять с писаниями, которые дают людям особые личности – основатели религий – Явители Божии, или Богоявления. Поэтому познание Бога возможно лишь посредством Явителя. В толкованиях Шоги Эфенди верующие предостерегаются от внеконфессионального мистического опыта и использования его как источника надёжного знания без сверки с писаниями.

Познание Божественного заключается и в прямом исследовании писаний, выяснении их сокрытых смыслов – это один из предпочтительных путей:

«подобает приложить величайшие усилия, дабы достичь сего Града, и милостью Божией и Его благоволением разорвать «завесы славы» ... В слезах и с пылом мы должны непрестанно молить Его даровать нам милость сию. Град сей есть не что иное, как Слово Божие, возвещаемое в каждый век и в каждую эпоху Откровения»¹³⁰.

Подобный подход очень близок авраамическим мистикам. Относительно плача слёзы являются частым проявлением чувств в молитвах, которые сами по себе очень красивы и эмоциональны. Как пример подобной разработанной техники можно упомянуть что, известный исследователь иудейской мистики Моше Идель, описывает технику плача, свойственную различным школам каббалистов, в результате которой они достигали мистического озарения и экстаза, которые способствовали тому, что «Тора открывала свои

¹²⁵ Там же

¹²⁶ *Раскрывая наше духовное предназначение / Духовное Собрание Бахаи России. – СПб.: Единение, 2002*

¹²⁷ *Бахаулла. Крупицы из Писаний*

¹²⁸ *Бахаулла. Скрижали, явленные после Китаб-и-Агдас*

¹²⁹ *Бахаулла. Семь долин и четыре долины*

¹³⁰ *Бахаулла. Китаб-и-Иган*

тайны»¹³¹ Однако нам неизвестно использование такой специальной техники среди бахаи. Каких-либо специально разработанных техник, кроме молитвы, поста и медитации потенциально заложенных в писаниях этой религии, на данный момент среди бахаи не существует или о них неизвестно.

3.4. Явители Божественной Воли как Дверь к Божественному

Как уже было упомянуто, в вере бахаи понятие пророка или посланника расширяется концепцией Явителя Божественной Воли, или Божоявления. Оно применяется к основателям религий, в том числе и тех, которые не дошли до наших дней. Их список достаточно ограничен и включает в себя Адама, Ноя, Авраама, Кришну, Моисея, Заратуштру, не названного по имени пророка сабеев, Будду, Иисуса Христа, Мухаммада, а также Баба и Бахауллу, как Божоявлений для текущей эпохи. Души всех Явителей предсуществуют изначально и предвечно. В одном смысле они сущностно едины, в другом различны, и у каждого своя миссия. Они — идеальные зеркала, которые отражают все божественные совершенства. В нашем мире их можно назвать Богом с одной стороны, посланником Бога с другой и лучшим из слуг Божьих — с третьей. Они непогрешимы в том смысле, что для них само понятие греха не имеет для него смысла — положение Явителя выше него.

Личность Явителя в писаниях предстаёт совершенно особенной – для обычного человека — это Дверь к Богу. Положение Явителя Бахауллу описывает термином Садратул-Мунтаха, который обозначает «Древо Последнего предела» или «Древо за которым нет пути», таким деревом в Иране обозначали конец дороги и этот образ часто применялся в богословских трактатах. До положения Явителя невозможно «дорости», им невозможно стать. Явитель – единственная дорога к Богу. Познать Бога в полной мере мы можем только посредством Явителя, Абдул-Баха поясняет, что :

«Если же ты обратишь взор свой к Зерцалу сияющему, незамутненному и чистому, где отражается Красота божественная, там увидишь ты Солнце во всем Его великолепии, сияющее всем блеском Своих лучей, пылающее всем Своим жаром, сверкающее всей силой Своего света. ... сия Вселенская Сущность, сие Величие, сие непорочное Зерцало, Чьи качества сообразны качествам отраженного в Нем Солнца, во всей полноте являет признаки Того, Кто есть Источник Славы.»¹³²

Лерой Джонс пишет, что общение с Явителем является одним из способов, с помощью которого каждый приходит к познанию Бога. Само Слово Бога есть причина всех вещей, а узнать её можно только через его предвечного носителя. Письмо от имени Шоги Эффенди сообщает, что «существует, только один путь к Богу, и он лежит через Явителя или Пророка для данной эпохи мистический путь, которым путник должен следовать — к Пророку. Входя в контакт с Ним, он обретёт мир»¹³³. В другом письме Хранитель соотносит это с общением: «Он [Проявление] ... все, что мы можем когда-либо знать о ... Боге. Поэтому мы обращаемся в молитве и мыслях к Нему, или *через Него* к Той Бесконечной Сущности позади и за пределами Него.» [Курсив мой]¹³⁴

Из этих слов следует, что обращение в молитве, а это самый действенный из всех методов, по словам того же Шоги Эффенди, вступить в непосредственное общение с Богом может происходить через Явителя, т.е. через Бахауллу. Такой подход очень напоминает христианский, где мистик соединяется с Богом через Христа. Существует ряд молитв, которые

¹³¹ Идель М. Каббала: новые перспективы. — М.: Мосты культуры, 2010.

¹³² Избранное из Писаний Абдул-Баха – раздел 19

¹³³ *Effendi Shoghi*, *Lights of Guidance* (India, 1994), p. 511

¹³⁴ *Ibid.*, p. 472

назвать молитвами о мистическом пути. Мы приведём одну из них, верующий должен читать её, обращаясь лицом к «Месту, где утверждён престол Господа твоего», под которым в «Китаб-и-Агдас» подразумевается дом Бахауллы в Багдаде:

*«Хвала Тебе, о мой Господи, ибо Ты сподобил меня признать Явление Тебя Самого и помог мне устремиться сердцем своим ко двору присутствия Твоего, к предмету поклонения моей души. Молю Тебя именем Твоим, чрез кое раскололись небеса и разверзлась земля, — пошли мне то, что уготовил Ты тем, что отворотились ото всего, кроме Тебя, и сердцем своим твердо уповают на Тебя. Дозволь мне воссесть в присутствии Твоем на престол истины в Скинни Славы. Властен Ты вершить, что пожелаешь. Нет Бога иного, кроме Тебя, Всеславного, Всемудрого.»*¹³⁵

Член Всемирного Дома Справедливости Адиб Тахерзаде во время беседы об обучении вере в Доме Поклонения бахаи в Уилметт, штат Иллинойс, сказал: «Обучение [вере] — это не проблема. Проблема заключается в том, что мы должны развивать любовь к Бахаулле»¹³⁶ Следующая выдержка из письма от имени Шоги Эффенди, помогает прояснить этот вопрос: «... Дух Божий достигает нас через души Явителей. Мы должны научиться общаться с Их Душами, это то, что мученики, казалось, сделали, и то, что принесло им такой восторг, по сравнению с которым сама их жизнь превратилась для них в ничто. В этом истинный мистицизм и тайна, внутренний смысл жизни, от которого человечество в настоящее время так отдалилось»¹³⁷ Об этом чувстве мистического восторга и о том, какая роль в этом личности Явителя, сам Бахаулла пишет:

«Лишь когда в сердце ищущего зажжется светильник поиска, ревностного усилия, страстного желания, безоглядной преданности, пылкой любви, восхищения и восторга и когда дуновение нежной заботы Его овеет его душу, тогда исчезнет тьма заблуждения, рассеется туман сомнений и опасений, и свет знания и убежденности охватит его существо. В тот час Таинственный Глашатай, несущий радостные вести Духа, просияет из Божиего Града, светлый, как заря, и трубным гласом познания пробудит сердце, душу и дух от сна небрежения»¹³⁸.

В этом отрывке Бахаулла описывает типичный для мистика опыт поиска Бога, наградой и результатом которого будет слияние с Божественным, когда «взирая Божиим оком, в каждой частице различит он врата, ведущие к ступеням совершенной убежденности. Во всем сущем обнаружит он таинства Божественного Откровения и свидетельства вечного явления»¹³⁹.

Роль обращения к Бахаулле в мистическом поиске у бахаи нуждается в более подробном исследовании. Пытаясь осмыслить то первое приближение, которое мы находим в писаниях бахаи, обратимся к Анри Бергсону, который исследуя христианский мистицизм задаётся вопросом о роли Христа в нём. Он пишет: «мистицизм и христианство ... бесконечно обуславливают друг друга. Необходимо, однако, чтобы было начало. И действительно в начале христианства существует Христос. С точки зрения, которой мы придерживаемся и из которой возникает божество всех людей, несущественно, зовется Христос человеком или не зовется. Неважно далее, что он зовется Христом. ... Автору можно дать какое угодно имя, это не будет означать, что автора не было. ... если великие мистики действительно таковы, как мы

¹³⁵ Бахаулла. Крупицы... — разд. CXLIII

¹³⁶ Jones L. The Mystic Cup: The Essential Mystical Nature of the Bahá'í Faith

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ Бахаулла. Китаб-и-Иган

¹³⁹ Там же

их описали, то они оказываются оригинальными, но неполными подражателями и продолжателями того, чем полностью был Евангелический Христос»¹⁴⁰.

Мы наблюдаем примеры уподобления Христу у христианских мистиков, подражание Мухаммаду распространено у суфиев, в источниках бахаи удалось найти одно упоминание о распространённости подобного среди ранних верующих: Абдул-Баха, описывая отсутствие запрета на курение табака в писаниях, приводит пример, что «те благословенные души, что следовали Ему [Бахауллу] во всём, также перестали употреблять табак»¹⁴¹. Хотя в данный момент личность самого Абдул-Баха является примером для верующих, мы видим предпосылки к тому, чтобы значение роли Бахауллы как Пути к Божественному для мистически настроенной части верующих будет возрастать.

Рассматривая различные верования и конфессии, мы не смогли найти в истории таких аналогов, когда у одной религии имеются два, а не один независимых основателя – в традиции бахаи это называется «Двойное Божоявление». Поэтому в данном разделе хотелось бы отдельно остановиться на взаимоотношениях Баба и Бахауллы, тем более, что «они никогда не встречались, по крайней мере нет таких сведений»¹⁴², и их отношения носят во многом мистический характер.

Баб выполняет для Бахауллы ту же функцию, что выполнял для Иисуса Христа Иоанн Креститель – функцию предтечи. Иоанн Креститель был согласно христианской точке зрения последним Пророком Ветхого Завета и по мнению специалиста по истории религиозных текстов Ближнего Востока, к.ф.н. Г.Синило, принадлежал к общине ессеев, чьи мессианские ожидания были сильны, а толкование иудейского Закона было близко к пониманию его Иисусом Христом.¹⁴³ Баб, в свою очередь, был знаком с учением общины шейхитов, которые в отношении с исламом ислама напоминали отношения ессеев с иудаизмом, но никогда не был их последователем. Кроме того, согласно точке зрения бахаи, Баб был обладателем собственного откровения и независимым Явителем Божьим.

Община баби (устар. – бабиды) имела собственные священные писания, законы, которые достаточно серьёзно отличались от законов ислама и признавала в Бабе исполнение пророчеств о Махди – возвращении скрытого имама шиитов и исмаилитов. Поэтому в западном религиоведении иногда принято разделять веру баби и веру бахаи, как отдельные религии, говоря, что они находятся между собой в органическом единстве. Мы не разделяем подобный подход. Вера баби никогда не существовала по отдельности – огромная часть текстов Баба посвящена прославлению более великого, чем он сам, которого Баб называл «Тот, Кого явит Бог», и, в ожидании которого постоянно находились баби. С самого первого дня Баб всегда ставил своё откровение в зависимость от последующего откровения Бахауллы, большинство его законов предварялись или заканчивались утверждением о том, что тот, кто придёт за ним должен будет их подтвердить или опровергнуть. Бахаулла стал последователем веры Баба через 3 месяца после провозглашения тем своей Миссии, но и Баб утверждал свою веру в Бахауллу:

«Истинно, мы верили в Тебя и в знамения Твои еще до зари Твоего Явления, и на Тебя мы все уповаем. Истинно, мы верили в Тебя и в знамения Твои после исполнения Твоего Явления, и ныне мы все веруем в Тебя».¹⁴⁴

¹⁴⁰ Блауберг И. И. Анри Бергсон и философия длительности. // Бергсон А. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1992. С. 40

¹⁴¹ Абдул-Баха. Избранное из Писаний, разд. 129

¹⁴² Иоаннесян Ю.А. Вера Бахаи. – Азбука, 2009.

¹⁴³ Синило Г.В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). Минск, 1998. — стр.379

¹⁴⁴ Баб. Избранное из Писаний/ Пер. с англ.– М.: Единение, 2006

«Осознайте пределы, установленные вам, ибо Тот, Кто есть Точка Байана, уверовал в Того, Кого явит Бог, еще до сотворения всякой вещи. ... все превозносимое в Байане не более чем кольцо на Моем персте, а Я, воистину, лишь кольцо на персте Того, Кого явит Бог, да будет восславлено упоминание о Нем! Он вращает его, как пожелает, для чего пожелает и чрез что пожелает. Воистину, Он Помощник в опасности, Всевышний.»¹⁴⁵

Отсчёт лет в календаре бади` (название календаря бахаи) согласно указанию Бахауллы начинается не с года получения им собственного откровения в 1852 году, а с года провозглашения Бабом своей Миссии; относительно празднования дней рождений Явителей, которые приходились на 1 и 2 мухаррама по исламскому календарю, Бахаулла постановил, что «В глазах Бога эти два дня подобны одному»¹⁴⁶; кроме того абсолютное большинство законов религии бахаи составляют законы Баба, которые были уточнены и дополнены Бахауллой, в ряде случаев получив более глубокое истолкование. С точки зрения официальной теологии бахаи Баб занимает подчинённое Бахаулле положение, но «наделён властью свыше и правом вершить вместе с Ним судьбы сего высочайшего Законоцарствия»¹⁴⁷, тем не менее в мистическом поиске бахаи может обращаться и к нему в поиске мистической встречи с Божественным.

В своих писаниях Баб, говоря о Бахаулле, утверждал, что «Он есть Я, а Я — Он Я».¹⁴⁸ Похожее высказывание, свидетельствующее о глубочайшей взаимной любви одного к другому, встречается у одного из известнейших суфиев Джунайда: «Любовь между двумя не станет настоящей, пока один не обратится к другому: «О Ты, который есть Я»». Мы закончим раздел о Явителях Бога и их важности для бахаи как пути к Божественному, отрывком, где Бахаулла говорит о его и Баба совместном мистическом рождении, который самым символом светоча, напоминает нам о фаворском свете Христа и предвечном Нуре Мухаммада: «Сия Точка есть средоточие круга Имен; она знаменует вершину проявления Букв в мире творения. Чрез нее открылись знаки непостижимой Тайны, прекрасный Символ, Тот, Кто проявился в Величайшем Имени - Имени, записанном в лучезарной Скрижали и начертанном в святом, благословенном, белоснежном Свитке. А когда Точка соединилась со второй Буквой, что указана в начале Матани, пересекла она небеса толкования и речения. Затем вечный Свет Божий, пролив свое сияние, ярко вспыхнул в самом сердце небесного свода свидетельства и произвел два Светоча».¹⁴⁹

3.5. Концепция Единственности и Единства Бога как освобождение от материального

И Баб и Бахаулла начинали свою проповедь в исламской среде. Концепция *таухид*, или строгого единобожия в исламе является ключевой для мистиков этой религии. Из неё исламские суфии выводили всё, что необходимо для следования к Богу. Если Бог единственен, то Он – единственная реальность. Он единственный, кто достоин любви. Рассчитывать на кого-либо, помимо Всевышнего – означает придавать Ему сотоварищей, т.е. не верить в Его Единственность.

Концепция абсолютного упования на Бога – *таваккул* – так же есть прямое следствие концепции таухида. Из неё выходит и аскетизм суфиев и их размышления о святости, об абсолютной искренности – *ихлас*. Единственная возможная любовь — это любовь к Богу.

¹⁴⁵ Там же

¹⁴⁶ Бахаулла. Китаб-и-Агдас — Вопросы и Ответы, разд. 2

¹⁴⁷ Эффенди Шогги. Законоцарствие Бахауллы

¹⁴⁸ Баб. Избранное из Писаний

¹⁴⁹ Бахаулла. Скрижали, явленные после Китаб-и-Агдас

Джафар ас-Садик, шестой шиитский имам, дал божественной любви такое определение: «божественное пламя, пожирающее человека без остатка»¹⁵⁰ Понятая таким образом идея таухида сделала суфиев в значительной мере оторванными ото всего остального исламского мира, идущего легалистским, а не мистическим путём. Хотя многие суфии имели семью или работу, но лишь единицы жили в относительном комфорте. Джунайд описал суфизм как путь постоянного очищения и душевной борьбы: «Суфизм достался нам не из разговоров и слов, но из голода и отречения от мира и отсечения тех вещей, к которым мы привыкли».¹⁵¹

В этой связи бахаи, идущий по мистическому пути, не может позволить себе подобного. Бахаулла напрямую отвергает некоторые из вещей, к которым прибегали суфии. Бахаи должен работать, предпочтительно иметь семью, аскетизм и монашество запрещены, так же как исповедь человеку и практика целования рук. Стоит отметить, что концепция единобожия у бахаи идентична исламской. Мистические корни, которые позволяют Бахаулле, ввести подобные нормы без отступления от концепции строгого таухида лежат в концепции Единства – *вахида* – центральной темы учения Бахауллы. По сравнению с легалистской исламской концепцией, таухид бахаи дополняется вахидом и позволяет человеку жить в мире обычной жизнью, при этом постигая мистические тонкости учения на пути к Богу.

В одной из молитв Бахаулла прямо указывает, что постижение Единства Бога – одна из важнейших задач для бахаи, как же, как и постижение божественной Единственности: «О Боже, наставь нас в постижении Твоей Единственности и сподобь нас осознать Твоё Единство, дабы не видеть нам никого, кроме Тебя. Ты Милостивый, Податель благ! О Боже, зажги в сердцах Твоих возлюбленных огонь любви к Тебе, дабы истребил он всякую мысль, кроме мысли о Тебе.»¹⁵²

Концепция «единства бытия» (*вахдат аль-вуджуд*) в исламе зародилась в рамках учения суфия Ибн `Араби (1165-1240), и вскоре стала общепризнанной среди других суфиев. Она возникает в связи с неудовлетворённостью суфиями дуализмом субъекта и объекта мистической любви, который преодолевается лишь на завершающем этапе слияния. Ибн Араби же постулирует монистическую позицию с самого начала. Бытие едино, но «может быть рассматриваемо двояко – как Истина (*ал-хакк*) и как Творение (*ал-халк*), как абсолютное единство и как множественность»¹⁵³. Как проявление абсолютной мистической любви к Богу, одинаково истинно сказать о себе и о Боге, что «он – это я, а я это он». «Творение (*мир*) есть Истина (*Бог*), или Творение не есть Истина, а Истина не есть Творение» — взгляд зависит лишь от точки зрения на вопрос. Совершенный человек, постигший Бога через него самого, — говорит Ибн ал-Араби, — с полным правом может сказать: я познаю Бога, значит я творю его. В своих размышлениях Араби приходит к выводу, что человек, который способен познать Бога – суфий – так же нужен Богу, как и Бог – суфию. Такой совершенный человек – есть микрокосм, отражающий все уровни бытия.

Нам известны два исследования, которые проясняют позицию бахаи на поставленный мистический вопрос. Это исследовательская работа «Абдул-Баха в ответ на учение о единстве бытия» американского религиоведа Кевина Брауна¹⁵⁴, которая рассматривает прогресс суфийской мысли у Муллы Садра, Авиценны, шейхитов и точку зрения центральных фигур религии бахаи на этот вопрос, и более ранняя работа М.Момена «Комментарий Абдул-Баха

¹⁵⁰ Шиммель А. Мир исламского мистицизма. — стр. 59

¹⁵¹ Там же. — стр. 60

¹⁵² *Молитвы бахаи* : избранные молитвы, открытые Бахауллой, Бабом и Абдул-Баха, 2012

¹⁵³ Сухов А.Д. Свободомыслие и атеизм в древности, средние века и в эпоху Возрождения. — стр. 6

¹⁵⁴ *Brown Keven 'Abdu'l-Bahá's Response to the Doctrine of the Unity of Existence. Journal of Bahá'í Studies*, 11:3-4, pages 1-29 — Ottawa: Association for Bahá'í Studies, 2001

...»¹⁵⁵. Обе эти работы рассматривают работу Абдул-Баха, написанную им в достаточно юном возрасте, предположительно в Багдаде, и адресованную некому суфию и почитателю трудов Ибн Араби `Али Шаукат Паше. Оба исследователя сходятся во мнении, что существует ряд принципиальных отличий между суфийской концепцией *вахдат аль-вуджуд* и её пониманием у бахаи.

В упомянутой выше работе Абдул-Баха делит разъяснение концепции единства бытия на четыре части, которые соответствуют трём отдельным онтологическим сферам. Это (1) сокрытое сокровище, что соответствует онтологической станции абсолютного единства (*ахадиййа*); (2) этапы любви, которым соответствуют отношения между каждым из онтологических уровней; (3) вневременное творение, что соответствует онтологической станции единства (*вахидиййа*), иными словами, положение «единство-многообразие», в котором суть вещей, и созданные божественные имена и атрибуты, существуют в отрыве друг от друга, как части единого целого; и (4) творение во времени, в котором эволюция отдельных существ, происходит с конечной целью произведения на свет совершенных человеческих существ, способных познать своего Создателя во всей полноте божественных имен. В писаниях бахаи, эти три онтологических уровня обычно называют Богом, Первичной Волей и творением. Абдул-Баха говорит: «имена и атрибуты Бога, и сущностные состояния являются целиком и полностью уничтоженными в положении абсолютного единства, так что не услышать даже слабого дуновения их ни от реального, ни от абстрактного существования»¹⁵⁶

В другой важной скрижали, известной как «Басит Лаух аль-Хакика» (*Скрижаль Безусловной реальности*), Бахаулла дает то, что считает подходящей или "похвальной" интерпретацией концепции единства бытия (*таухид-йа-вухуди*). Он объясняет, что это понятие должно означать: «все вещи, по сравнению с Его явлением и поминанием, были и будут абсолютным ничто... Как было сказано: "Бог был и не было ничего другого, кроме Него. Теперь Он такой же, каким всегда был". И еще видно, что вещи существуют и существовали. Смысл же этих слов в том, что в Его Присутствии ничего не имеет и никогда не имело существования. В положении единства бытия все сущее погибает и обращается в ничто, в то время как Божественный Лик, кой есть Абсолютная Реальность, Вечен и Непрестанен»¹⁵⁷.

Бахаи верят, что весь материальный мир является эманацией Бога, каждый материальный объект является Его отражением: «Зависимость созданий от Бога есть зависимость эманации или порождения, то есть создания происходят от Бога; они не являют Его. Они соотносятся по принципу эманации порождения, а не явления. Солнечный свет исходит от Солнца, но он не являет собой Солнца. Возникновение через эманацию подобно появлению лучей светила из-за горизонта, то есть священная сущность Солнца Истины неделима и не переходит на состояния созданий. Сравните — ведь солнечный шар не делится на части и не нисходит на Землю».¹⁵⁸

При этом бахаи не свойственен пантеизм. Пантеизм как учение предполагает, что весь мир — это проявление, или воплощение Бога, например, как море и волны на нём. Абдул-Баха пишет, что «сама правомерность вопроса об Истинном Существовании, через которое обретают существование все вещи, то есть о сущности той Сути Единства, посредством которой все творения явились в мир, признается всеми. Разногласия начинаются тогда, когда суфии заявляют: ««Сущность вещей есть проявление Истинного Единства». Пророки же говорят: «Она порождается Истинным Единством»; воистину велико различие между

¹⁵⁵ *Momen, Moojan*. Abdu'l-Bahá's Commentary on the Islamic Tradition: 'I was a Hidden Treasure ... — Bahá'í Studies Bulletin 3. 4 (1985): 4–37.

¹⁵⁶ *Ibid.*

¹⁵⁷ *Momen, Moojan*. Bahá'u'lláh's Tablet of the Uncompounded Reality (Lawh Basít al-Haqíqa). — *Abhá: A Journal of Bábí-Bahá'í Studies* 1.1 (1997): 1–15

¹⁵⁸ *Абдул-Баха*. Ответы на некоторые вопросы.— стр.143

проявлением и порождением (*эманацией*). Проявление означает, что одна и та же вещь является в бесконечности форм»¹⁵⁹. Разница между воплощением и эманацией существенна. Речь — это эманация говорящего, а волна — это воплощение моря. Творец не изменяется, когда происходит эманация Творца. «Ты вечно Неизменный, о Неизменный Ты!» — пишет Бахаулла в Пространной исцеляющей молитве.¹⁶⁰ Творение и Творец — суть не одно и то же. И Творец не зависит от творения так же как речь не зависит от говорящего, но наоборот. Творец не нуждается в творении, потому что эманация — это суть воплощение Первичной Воли Бога.

Эта концепция очень важна для понимания мистицизма бахаи, как «верстовой столб» для мистика. Говоря, что мир иллюзорен, верующий должен освободить от него свой разум, чтобы обрести медитативный покой и сначала обрести видение «конца в начале», а затем не различать ни начала, ни конца и не отделять «первого» от «последнего». Таков путь искателя в Божественное Присутствие, описанный Бахауллой в «Семи долинах».

Объясняя позицию бахаи, К.Браун пишет, что «существует качественная и существенная разница между существованием Бога и существованием тварного. То, что мы называем «вещи», является выражением Божественной воли, которая сама по себе эманация. Хотя «вещи» имеют как внутреннюю нематериальную реальность (*батин*) на уровне Первичной Воли, а также внешнее, материальное выражение (*захир*) в домене времени, они не питаются через себя, в отличие от существования Бога, которое и есть Само Сущее»¹⁶¹.

Реальность на материальном плане существования является конструкцией разума (*мафхум-я-зини*). Это произведение впечатления на ум в результате комбинации Божественных атрибутов, свойств и симметрии, вытекающих из более фундаментального уровня существования. Ум же сам по себе есть эманация. Бог не является следствием его созданий и не нуждается в них. Он есть Причина Причин.

Мистик-бахаи, подобен описанному в «Семи долинах» влюблённому. Влюблённый находится в поисках возлюбленной, когда его начинает преследовать некий стражник. Убегая от него влюблённый не находит себе места, проклинает его, думая, что тот мешает ему. В конечном итоге, в бегстве от стражника влюблённый попадает в сад, где и находится возлюбленная. Зная бы изначально, о том, что стражник не враг, а друг, влюблённый прошёл бы свой путь с благодарностью, зная, что за завесами скрыто то, что ему нужно. Подобным образом, бегством от мира ничего не добиться, а наоборот, этот мир может стать ключом в подлинное Присутствие Божие, если искатель будет правильно понимать его основу и скрытую в нём милость Бога. Этим мистицизм бахаи существенно отличается от мистицизма других религий: в поисках Возлюбленного из мира уходить нельзя — мир помогает мистик-бахаи, а не мешает. Концепция, раскрытая выше, подробно раскрывает иллюзорность мира и его непосредственную связь с Божественным.

Несмотря на всю сложность концепции единства с мистической точки зрения, выводы из неё удивительно просты.

1. Весь материальный мир — есть проявление божественных имён и качеств, восходящих по иерархии к человеку — венцу Божественного творения.

2. Творения зависят от Творца, так как являются Его эманацией, но не наоборот. Трансцендентное не восходит и ни нисходит, оно неизменно.

3. Всё что мы видим, ощущаем — это иллюзия, осознание которой помогает нам правильно относиться к материальному миру и своему месту в нём.

¹⁵⁹ Там же. — стр.203

¹⁶⁰ *Молитвы бахаи* : избранные молитвы, открытые Бахауллой, Бабом и Абдул-Баха, 2012

¹⁶¹ *Brown Keven*. 'Abdu'l-Bahá's Response to the Doctrine of the Unity of Existence.

4. Любовь – есть причина отношений между уровнями бытия и между Богом и человеком.

Взаимосвязь этих концепций очень сильно меняет самосознание бахаи по сравнению с исламским и христианским. Мир творения больше не предстаёт для человека тюрьмой, соблазном или наказанием. То, что окружает человека – это отражение Божественных имен и качеств в разных сочетаниях, то есть материальный мир не является чем-то плохим. Как факел в руках ребёнка может сжечь дом, так же в руках вождя он может помочь вывести людей из леса на тропу к дому – окружающий мир для бахаи не является враждебным. Им нужно просто правильно пользоваться и не быть от него зависимым. Для этого не требуется уход из него, не нужен материальный аскетизм, а любовь как связь между объектами и причина всего даёт всё необходимое для того, чтобы ощутить Бога во всём и войти в Его Присутствие. Бахаи освобождается от мира через собственное видение, а не через физический уход от него.

3.6. Достижение подлинной свободы как путь познания Бога

Ранее мы рассмотрели несколько важных концепций бахаи: Бог непознаваем и сверхличностен, путь к Его познанию лежит через Явителя Бога — Бахаулла или Баба. Познание Бога с помощью разума невозможно, однако разум является своеобразным указателем, он помогает найти путь, чтобы узреть и узнать «Солнце через само Солнце». Мир иллюзорен, но при этом является эманацией Бога и пронизан любовью, как основой всего. Понимая это, от него можно освободиться внутренне, внешне сохраняя прочную связь с ним, которая помогает, а не мешает мистическому поиску.

Очередным элементом мистического пути, самим состоянием, в котором возможно познание Бога, является концепция подлинной свободы. Вопрос свободы человека упоминается в писаниях бахаи в разных аспектах. Ключевое понятие, которое разделяет исламский и христианский мир — это то, как они в целом понимают то, насколько человек — независимое существо. В разрезе мистицизма этот вопрос определяет может ли каждый человек достичь Божественного Присутствия, познать Его, или же это удел только избранных. Христианство утверждает то, что судьба человека определяется только его поступками, ислам учит, что всё предопределено заранее. Взгляд бахаи на этот вопрос можно выразить словами: правы и те, и другие. Абдул-Баха приводит пример, где уподобляет человека парусной лодке. Бог «надувает паруса» этой лодки, т.е. без воли Бога человек не может совершить ни хороший, ни плохой поступок. Однако сторону, в которую поплывёт лодка, выбирает сам человек¹⁶². Таким образом, согласно верованиям бахаи, абсолютно любой может потенциально испытать мистический опыт. Каждый может пройти тысячу шагов навстречу Абсолютному, чтобы в трепете и восторге ожидать, что Абсолютное «сделает свой один шаг к нему» и откроет дверь в небесный чертог.

Бахаулла четко разделяет понятия свободы и подлинной свободы. Относительно первой он пишет:

«Да будет ведомо вам, что воплощением свободы и символом ее является животное. Человеку же подобает подчиняться тем ограничениям, что защищают его от собственного невежества и ограждают от вреда, что чинит злонамеренный. Свобода побуждает человека преступать границы пристойности и умалять достоинство своего положения. Она унижает его, доводя до крайней степени распущенности и порока.»¹⁶³

¹⁶² *Абдул-Баха. Ответы на некоторые вопросы*

¹⁶³ *Бахаулла. Китаб-и-Агдас, разд. К123*

Те, кто жаждет подобной свободы, гордится ей, те пребывают в пучине невежества.¹⁶⁴ Однако есть и другая свобода, та к которой следует стремиться. Подлинная свобода заключается в следовании заповедям Бога и постижении Его Замысла.

«Скажи: Подлинная свобода для человека заключается в подчинении Моим заповедям, сколь же мало вы знаете о сем. Когда бы люди следовали тому, что Мы ниспослали им с Небес Откровения, они, несомненно, достигли бы совершенной свободы. Счастлив тот, кто постигает Замысел Божий во всем, что Он явил с Небес Своей Воли, пронизающей все творение. Скажи: Нигде не обретете вы свободу, коя будет вам на пользу, кроме как в полном подчинении Богу, Вечной Истине. Вкусивший его сладости не согласится променять сие на все владения земные и небесные.»¹⁶⁵

Таким образом, последователям Бахауллы следует стремиться к обретению подлинной, или истинной свободы, которая будет достигнута при соблюдении законов и заповедей религии. Очевидно, что таковое состояние свободы, при котором человек не согласится променять его на все владения земные и небесные — не может быть достигнуто формальным путём. Это категория мистического опыта — состояния близости к Богу, которое придаёт счастье и уверенность человеку, знания, которое находится внутри него. Из утверждения Бахауллы следует, что речь идёт не о спонтанном мистическом опыте, а о мистическом пути бахаи, в начале которого лежит поиск. В «Семи долинах» Бахаулла пишет, что первая долина, куда входит искатель — это Долина Поиска, где на пути к Божественному ему предстоит «очистить сердце свое, в коем источник Божественных сокровищ, от предубеждения; им должно отринуть подражание, то есть не следовать по стопам предков своих и родителей, и запретить врата приязни и вражды ко всем людям земли.»¹⁶⁶

Для достижения истинной свободы искатель движется к Богу, ему недостаточно простого выполнения законов — необходимо полное слияние своей воли с Волей Божественной, только достижение Божественного Присутствия даст осознание, дающее восторг. Форма мистического общения имеет самые совершенные черты. Бог здесь выступает как единая истинная реальность, Он Самосущен. Бог абсолютно свободен в Своих действиях, и никак не детерминирован действиями человека. Бахаулла пишет: «Счастлив влюбленный, что вдохнул Божественное благоухание Наивозлюбленного своего от сих слов, напоенных ароматом благодати, кою никакому языку не выразить.»¹⁶⁷

Принцип «самостоятельного поиска истины» упоминается Абдул-Баха первым среди прочих¹⁶⁸.

«... вы взыскуете истины и свободны от подражательства и предрассудков, что вы смотрите на мир собственными глазами, а не чужими, слушаете собственными ушами, а не чужими, и постигаете тайны собственным умом, а не чужим. Ибо подражающий говорит — другой человек видел, другой человек слышал, другой постиг; иными словами, он зависит от видения, слуха и сознания других людей и не имеет собственной воли.»¹⁶⁹

Состояние истинной свободы, предполагает на первом своём этапе обретение *собственной* воли — независимость от мнения других людей, понимания, которое равным образом свободно как от предрассудков, так и от игры собственного воображения. Только обретя собственную волю, как осознанное подчинение Воле Бога, можно вступить в

¹⁶⁴ Там же, разд. К122

¹⁶⁵ Там же, разд. К125

¹⁶⁶ Бахаулла. Семь долин и четыре долины

¹⁶⁷ Бахаулла. Китаб-и-Агдас. — разд. К3-К4

¹⁶⁸ Абдул-Баха. Парижские беседы. Выступления Абдул-Баха в Париже в 1911 году. — стр.44

¹⁶⁹ Абдул-Баха. Избранное из Писаний Абдул-Баха. — разд.14

Божественное Присутствие. Обретению этого помогает знание уже сокрытое в самом человеке и очищенное от примесей «слепого подражания» и «тщетных мечтаний».

3.7. Совещание как форма духовного аскетизма

Размышляя о концепции подлинной свободы, мы фактически рассмотрели мистическое значение предписания Бахауллы о самостоятельном поиске истины, которое выражается в развитии собственной воли, согласованной с Божественной. Религиозное понимание этой заповеди, как её обычно понимают последователи, – это непредвзятое исследование фактов и вынесение суждения в соотношении со своим опытом и писаниями религии. Однако на мистическом уровне оно становится состоянием слияния с Божественным, так как зависит исключительно от принятия Божественной Воли как своей собственной, как переживание личного не опосредованного ничем сакрального опыта единства с Богом. Данный опыт не имеет ничего общего с догматичным «профанным» пониманием предписаний религии. В этом параграфе мы обратим внимание на второй важный момент религии бахаи — на то, как внешне социальная часть учения Бахауллы способствует этому слиянию.

Мистика, как таковая, представляет собой опыт соприкосновения с вечностью и ощущение высшей реальности, и путь к этому опыту проходит для бахаи через ряд личных и коллективных практик. Мистика является переживанием Бога, которое появляется в краткие моменты озарений, единства с Тем, Кто неуловим человеческой мыслью, недоступен для телесных чувств и невыразим словом. Обретение такого опыта проходит через отречение от себя и покорение своего духа Божественному. Само чувство контакта с Трансцендентным рождается внезапно – оно как свидетельство того, что ты услышан. Оно — ответ на все вопросы, и одно из форм его — состояние «я знаю, как на самом деле». Именно поэтому мы говорим об обретении состояния подлинной свободы через обретение мнения, тождественного мнению Бога. Это не есть рациональное состояние получения информации и принятия её как факта – это состояние глубочайшей осознанности, полученное в момент единства с Тем, Кто есть сама подлинная реальность. Путь мистика к этому состоянию лежит через аскетическое воспитание духа. Аскетизм телесный запрещён Бахауллой, а аскетизм духовный у бахаи рождается через взаимодействие с другими людьми: через совещание с ними и служение им.

Форма «совещания» в рациональном понимании предполагает обмен мнениями и опытом. Однако мистическое значение этой внешне светской практики у бахаи иное: она сравнивается с потоком Святого Духа, который ограняет сердца, подобно тому, как поток воды шлифует камни. Это лишнее – не что иное, как привязанность к собственному мнению, оно происходит от отсутствия любви к Богу, и закрывает путь к достижению подлинной свободы. Любовь к Богу должна ослепить и опьянить, а ощущение того, что окружающие находятся в том же состоянии, способствует принятию чужого мнения как своего: «Здесь путник не осознает ни себя, ни того, что вне его. Он не зрит ни невежества, ни знания, ни сомнений, ни уверенности; не отличает зари водительства от ночи заблуждения. Он равно чужд неверия и веры, а смертный яд для него – что бальзам»¹⁷⁰.

Способность отречься от себя – это категория святости, а, как мы показывали выше, без этого невозможен мистический опыт. Способность отречься от себя – это мерило Любви, а любовь – это смирение перед Богом, которое достигается в вере бахаи смирением перед людьми ради Бога. Пол Лампл, член Всемирного Дома Справедливости, пишет в своей книге «Мыслить по-новому» о том, что качество смирения не предполагает подчинённости человеческому авторитету, но «исходит от признания всемогущества и самодостаточности

¹⁷⁰ Бахауллы. Семь долин

Бога». Такое смирение помогает отказаться от комплекса вины с одной стороны и защищает от самодовольства с другой.¹⁷¹ Это в чистом виде духовный аскетизм, ориентированный на Бога, который направляет волю человека на слияние с Божественной Волей.

Коллективное исследование реальности является помощником каждого индивидуума в личном поиске Бога. Нет иной Истины как в Боге, а Абдул-Баха пишет, что «искра истины сверкнет лишь при столкновении разнящихся мнений.»¹⁷² Для того, чтобы обрести внутреннее состояние, в котором возможна настоящая любовь к Богу, мистику следует пройти через душевные терзания и неизбежные трудности на этом пути: «Конь сей Долины – боль; если не будет боли, путешествие сие не закончится никогда. На здешней ступени у любящего нет иной мысли, кроме мысли о Возлюбленном, и нет иного прибежища, кроме Друга»¹⁷³.

Мы обратили внимание на такой внешне светский инструмент, как совещание, ещё и потому, что практика общинной жизни бахаи предполагает регулярные совместные размышления над писаниями и руководствами. По словам последователей, вышеупомянутое состояние «я знаю, как на самом деле», как восприятие «совершенно Иного», входящего в их жизнь, часто происходит именно в эти моменты. Это схоже с описанным Рудольфом Отто типичным нуминозным эмоциональным откликом от «встречи со Священным», который выражается в сочетании «страха и трепета» с «восхищением и восторгом»¹⁷⁴. Несмотря на то, что мистический опыт – исключительно индивидуальное переживание, среди последователей Бахауллы он часто происходит именно в таком контексте без использования изменяющих сознание практик, которые применяются в суфийских орденах или, например, харизматических христианских церквях.

3.8. Община бахаи как мистическое сообщество

В Тхераваде и большинство форм буддизма Махаяны духовный путь может быть успешно пройден только в монастыре под руководством настоятеля или старшего монаха, во многих формах индуизма — под руководством гуру. В христианстве традиционным путём для мистиков было присоединение к одному из наиболее мистических монашеских орденов, таких как францисканцы или кармелиты — в западном, или Афонский монастырь — в восточном христианстве. Эти общины часто подчеркивали важность дисциплины и послушание внутренней иерархии. Исламский мистицизм, суфизм, также организуется в ордена, каждый из которых имеет руководителя.

В большинстве этих религий мистический путь сочетается с аскетизмом и техниками, которые приводят к изменённым состояниям сознания, таких как мантры, зикр или «умная молитва». Закрытость многих орденов часто приводила к восприятию некоторыми мистиками себя как особенных, достигших более высокого уровня понимания и просветления на духовном пути, что способствовало тому, что они начинали считать себя выше религиозного закона, а иногда погружались в морально предосудительное поведение. Бахауллы запрещает в общине бахаи подобные практики, свойственные мистическим орденам.

Американский религиовед М. Момен в статье «Мистицизм и община бахаи» анализирует общину бахаи соотнося её структуру и задачи с мистическими орденами других религий, в основном с суфийскими. Подчёркивая все вышеперечисленный запрет, на практики свойственные в разной степени мистическим сообществам ислама, христианства и буддизма, Момен подчёркивает открытый характер общины бахаи. Он пишет, что «относительно

¹⁷¹ Lample P. *Creating A New Mind. Reflections on the Individual the Institutions & the Community.* — Florida, 1999 - p.13

¹⁷² *Абдул-Баха. Избранное из Писаний Абдул-Баха.* — разд.44

¹⁷³ *Бахауллы. Семь долин*

¹⁷⁴ *Отто Р. «Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным»*

гностического знания неявного в большинстве мистических орденов, Бахаулла заявляет, что в этот день все духовные знания и руководство, необходимое для мистического поиска свободно и открыто для всех. Все претензии на тайное духовное знание, которое превосходит то, что обычные люди могут понять, должны рассматриваться с большим подозрением.»¹⁷⁵ Тем не менее на примере предыдущей главы мы увидели, насколько важной является в мистическом поиске бахаи роль других членов общины. Поскольку сообществу бахаи не свойственны отношения «мастер-ученик», запрещена исповедь человека человеку и передача традиции из уст в уста¹⁷⁶, то вся община выступает как единое целое. В ней отсутствует иерархия и эзотерическая компонента, а роль аскетической духовной составляющей играет совещание. Сообщество помогает каждому достичь истинного понимания, обретая собственное коллективное знание в этом процессе.

Особенностью данной религии является концепция Завета. Несмотря на свои глубокие корни, уходящие в иудейскую религию, где он связывает Бога с его народом, концепция Завета обретает в отношении общины бахаи новый смысл. Согласно ему, полномочия построения Божественной Цивилизации, достижение того самого мистического момента, когда «земля зальётся божественным светом», передаётся институтам религии, и уже через них достигает общины и каждого верующего. Конечные решения в общине принимаются институтами, и Завет Бахауллы можно рассматривать как Волю Бога, переданную общине. Эти два взаимосвязанных компонента: воля и знание — идентичны тем, что мы рассмотрели на индивидуальном уровне, что может свидетельствовать о наличии коллективного мистического пути в религии бахаи.

Община управляется при помощи Административного Порядка, который был учреждён Бахауллой. Согласно писаниям веры, сам Порядок и установленные Бахауллой институты находятся в неразрывной мистической связи с ним через силу Завета. Описывая институты веры бахаи Шоги Эффенди пишет: «Настало время, когда тот вечный, животворный Дух, что явился миру в Ширазе, возгорелся в Тегеране, воссиял в Багдаде и Адрианополе, был перенесен на Запад и теперь озаряет каждый уголок всех пяти континентов, — должен воплотиться в институтах, предназначенных для распространения и умножения его могучей энергии».¹⁷⁷ Бахаулла утверждает, что Бог вдохновит институты веры на то, что Ему угодно, а Всемирный Дом Справедливости непогрешим и его указания — это божественные указания. Осуществляя Божественную Волю и будучи связаны с Бахауллой мистической связью, институты веры бахаи, таким образом, напрямую связаны с личным мистическим поиском каждого и направляют движение общины по коллективному мистическому пути к Богу.

В то время как мистический поиск в других религиях всегда был заботой меньшинства, то в Вере Бахаи, он становится главной заботой всей общины, а сама община бахаи может рассматриваться как пример открытого мистического сообщества. К аналогичной точке зрения приходит в вышеупомянутой статье М.Момен, а также другие исследователи¹⁷⁸.

В данной главе мы сделали попытку развернуть мистический путь бахаи, описанный Бахауллой в своих произведениях «Семь долин» и «Китаб-и-Иган» через концепции, существующие в других писаниях бахаи. Осмысление роли, форм и границ мистицизма в вере Бахаи находится на начальном этапе. Это касается как научного изучения данного феномена, так и рефлексии внутри самой религии. В ходе исследования показано, что религия бахаи

¹⁷⁵ *Momen Moojan*. *Mysticism and the Bahá'í Community*. - *Lights of 'Irf án Article// English language*. – 2007

¹⁷⁶ *Бахаулла*. *Семь долин...*: «О брат Мой, пусть ведет тебя по сим равнинам дух поиска, а не слепое подражание».

¹⁷⁷ *Taherzade A*. *Доверенные Всемилового* / Пер. с англ. – СПб.: Единение, 1995. — стр.3

¹⁷⁸ *Kavian Sadeghzade Milani*. *The Mystical Dimensions of the Bahá'í Administrative Order*. - *Lights of 'Irf án Article// English language*. – 2011

является религией с глубокой мистической составляющей, что мистицизм в вере бахаи является развивающимся явлением и играет всё возрастающую роль в формировании ее облика. Так же важным является тезис о том, что концепции подлинной свободы и административный порядок Бахауллы играют решающую роль в становлении понятий индивидуального и коллективного мистического пути в вере бахаи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С момента возникновения философского и научного осмысления мистицизма, интерес к нему, как ядру религиозного или эзотерического верования, не угасал. Расширяется методологическая база научного исследования, внедряются в теоретическую разработку новые механизмы и направления исследования, затрагиваются, ранее обходимые стороной, явления социокультурного характера.

В этой связи автором предпринята попытка обозначить феномен мистицизма в достаточно молодой по времени возникновению религии — вере бахаи. В ходе исследования были рассмотрены базовые характеристики мистицизма и подходы, которые применялись различными исследователями в ходе его изучения. Рассмотрена связь между мистицизмом и оккультизмом, выявлено принципиальное различие данных феноменов. Так же автор разграничил понятия мистицизма и неомистицизма, что является важным для понимания сути феномена. Мистицизм присущ религиозным организациям, в частности, вере бахаи, а неомистицизм и оккультизм — эзотерическим. В этой связи установлено, что вера бахаи не является эзотерической организацией.

В ходе исследования выявлены основные характеристики мистического опыта и отношение к нему в религии бахаи: оно является позитивным, спокойным и взвешенным. Личный мистический опыт последователей важен для постижения смысла и сути законов, его необходимо сверять с писаниями религии, он не может служить в чистом виде руководством ни для самого верующего, ни для собратьев по общине.

Автор делает краткий обзор вероучения и даёт исторические контексты религиозно-эзотерического окружения самой веры бахаи в момент возникновения, и колебания роли мистической составляющей в разные временные периоды. В ходе исследования обнаружено, что взгляд на религию бахаи как на рациональную религию, не имеющей мистической составляющей, не имеет под собой оснований. Вера бахаи имеет обширный корпус мистических текстов, её понимание Бога как творца мира очень трансцендентально, а цели, которые ставятся перед последователями, наполнены призывами к познанию Бога и поклонению Ему. Концепции таухида и вахида, важность личных взаимоотношений с Бахауллой, понимание Завета Бога и человека как мистической связи, дающей мотивацию к исполнению законов вот лишь немногие из концепций этой религии, которые были рассмотрены в работе. В работе рассмотрена концепция подлинной свободы, которая не была исследована ранее, выяснена её взаимосвязь с личным поиском Бога и коллективным исследованием реальности в общине бахаи. Рассмотрена связь мистицизма бахаи как личного и как коллективного пути, что является особенностью данной религии.

Мистицизм в вере бахаи является развивающимся явлением и на данном временном этапе маятник мистичности этой религии стремительно движется вверх, что делает данное исследование ещё более актуальным. В работе удалось лишь очертить границы изучаемой темы. За рамками исследования остались соотнесение мистического и рационального, а также большой пласт материала по мистическому пути, описанному в писаниях бахаи. Несмотря на большое количество использованного материала, он достаточно разрознен и требуется более фундаментальное исследование для того, чтобы раскрыть все аспекты такого феномена как мистицизм бахаи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Словари и энциклопедии

Аверинцев С.С. Мистика // Философский Энциклопедический словарь. — М. : Наука, 1983

Penner H.H. The mystical illusion // *Mysticism and religious traditions/* Ed. by Katz S.T. Oxford: Oxford University Press, 1983. P. 89.

Источники

Абдул-Баха. Избранное из Писаний Абдул-Баха / Пер. с англ., сост. Отдел исследований Всемирного Дома Справедливости. — СПб. : Единение, 1995

Абдул-Баха. Ответы на некоторые вопросы / Пер. с англ. — СПб. : Единение, 1995

Абдул-Баха. Парижские беседы. Выступления Абдул-Баха в Париже в 1911 году. / Пер. с англ. — СПб. : Единение, 1999

Баб. Избранное из Писаний / Пер. с англ. — М. : Единение, 2006

Бахаулла. Скрижали, явленные после Китаб-и-Агдас / Пер. с англ. — СПб.: Единение, 2004

Бахаулла. Китаб-и-Агдас / 2-е изд. испр. — СПб. : Единение, 2001

Бахаулла. Китаб-и-Иган — СПб. : Единение, 2000

Бахаулла. Крупицы из Писаний / 2-е изд. испр., пер. с англ. — М. : ЦРО "Община последователей Веры Бахаи в России", 2009

Бахаулла. Семь долин и четыре долины / Пер. с англ. — СПб.: Единение, 1996

Бахаулла. Сокровенные Слова / Пер. с англ. — СПб. : Единение, 2003

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М. : Российское библейское общество, 2007

Всемирный Дом Справедливости. Пятилетний план 2011-2016. Послания от Всемирного Дома Справедливости. — М., 2011

Всемирный Дом Справедливости. Послания Всемирного Дома Справедливости. — Улан-Уде : Сибирская инициативная группа, 2011

Коран./ 3-е изд., пер. с араб. И.Ю.Крачковского. — СПб. : Северо-запад пресс, 2005

Молитвы бахаи: избранные молитвы, открытые Бахауллою, Бабом и Абдул-Баха / Пер. с англ., 3-е изд., испр. — М. : Централизованная религиозная организация "Община последователей веры Бахаи в России", 2012

Набиль-и А'зам. Вестники Рассвета. Повествование о ранних днях Откровения Бахаи в 2 т./ пер. с англ. — М. : Централизованная религиозная организация «Община последователей веры Бахаи в России», 2014. — т.1

Раскрывая наше духовное предназначение. — СПб. : Единение, 2002

Рашти, Сайид Казим. основополагающие догматы веры / пер. с перс., вступ. и коммент. Ю.А. Иоаннесяна. — СПб. : Петербургское Востоковедение, 2011.

Тахерзаде А. Доверенные Всемилостивого / Пер. с англ. — СПб.: Единение, 1995

Фурутан А-А. Рассказы о Бахаулле / Пер. с англ. — М. : Копиринг, 2016

Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. — М. : Политиздат, 1991.

Эффенди Шогги. Законоцарствие Бахауллы / Пер. с англ. — СПб. : Единение, 2004

Abdu'l-Baha. Tablets of 'Abdu'l-Bahá Abbas.— Chicago: Baha'i Publishing Committee, 1930.—Vol. 3.— P. 549

Effendi Shoghi. Compilation of Compilations, Vol. 2. — Mona Vale: Baha'i Publications Australia, 1991. — P. 237, 238.

Исследования

- Андерхилл Э.* Мистицизм. Опыт исследования природы и законов развития духовного сознания человека. — Киев : София, 2000
- Базиленко И.В.* Бахаизм: история вероучения (сер. XIX - нач. XX вв.). — М., 1994. — 180 с.
- Балагушкин Е. Г.* Новые религии как социокультурный и идеологический феномен // Общественные науки и современность. — 1996. — № 2. — С. 90—100.
- Бекарюков М.В.* Социокультурный феномен эзотерики // Журнал Известия АГУ. — Алтайский государственный университет. — Барнаул, 2010 - 169-173 стр.
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. — М.: Академия, 1999
- Блауберг И. И.* Анри Бергсон и философия длительности. // Бергсон А. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1992. С. 40
- Бороненкова Я.С.* Социально-психологические интенции учения Вильгельма Райха // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — М., 2010
- Волков С.Н.* Неомистицизм на современном этапе. Корни его понимания // XXI Век: Итоги прошлого и проблемы настоящего плюс, 6(28). — Пенза, 2015. — стр. 28-34
- Волков С.Н.* Феномен мистицизма: Истоки происхождения и современное состояние в России. — спец. 09.00.11. — Дисс. раб. на соискание уч. степ. доктора философ, наук. — Саранск, 2004.
- Дафтари Ф.* Краткая история исмаилизма. Традиции мусульманской общины. — М.: АСТ, Ладомир, 2004
- Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. / Пер. с англ. В. Г. Малахиевой-Мирович и М. В. Шик. — М. : Наука, 1993
- Идель М.* Каббала: новые перспективы. — М.: Мосты культуры, 2010.
- Иоаннесян Ю.А.* Вера Бахаи. — Спб. : Азбука, 2009
- Кайгородов А.Г.* Некоторые аспекты современного мистицизма // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — Пермь, 2014
- Карсавин Л.А.* Католичество. Откровения блаженной Анджелы. Томск 1997.
- Кравченко В.В.* Мистицизм в русской философской мысли XIX - начала XX веков. М., 1997.
- Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. — М.: Республика. 1992
- Малевич Т.В.* Философия религии о мистическом опыте: дилемма эссенциализма и конструктивизма. // Философия религии: альманах. — М., 2013. — стр.26-61
- Мартыненко А.В.* История распространения религиозной общины бахаи в России (имперской, советской, постсоветский периоды) / Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. — Т. 12. № 6-1. — стр. 292-298.
- Пахомов С.В.* Специфика современной российской эзотериологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. №4 (31). С.36-65
- Отто Р.* «Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным». — АНО «Издательство Санкт-Петербургского Университета». — Спб, 2008. — стр. 44
- Самарина Т.В.* Методологические основы религиоведческого исследования в концепции Фридриха Хайлера // Вестник ПСТГУ, — № 1(45), 2013 — стр. 57-67
- Синило Г.В.* Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). Минск, 1998. — стр. 379
- Степанчук Ю.А.* Основные понятия мистицизма: опыт философского исследования. — Дисс. раб. на соискание уч. степ. канд. философ, наук. — М., 2003.
- Судзуки Д.Т.* Мистицизм: христианский и буддийский. - Киев: София, 1996

- Сурков Д.В.* Различие понятий «мистика», «мистицизм» и «мистический опыт»// Омский научный вестник, 5(112). — Омск, 2012. — стр. 131-134
- Сухов А.Д.* Свободомыслие и атеизм в древности, средние века и в эпоху Возрождения /Ин-т философии АН СССР; Под ред. А. Д. Сухова. — М.: Мысль, 1986.
- Тиллих П.* Систематическая теология. Т. 1-2. — М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Тарт Ч.* Измененные состояния сознания/ Пер. с англ. Е. Филиной, Г. Закарян. — М.: Изд-во Эксмо, 2003
- Торчинов Е. А.* Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. — СПб.: Центр "Петербургское Востоковедение", 1998.
- Фрейд З.* Недовольство культурой.// Фрейд З. Избранное. В 2-х томах. — М., 1990. — т.2.
- Хэтчер У.С., Мартин Дж. Д.* Новая мировая религия: Вера бахаи./ Пер. с англ. — СПб.: Единение, 1995
- Шиммель А.* Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Рапопорт., 2-е изд. испр. и доп., — М.: Садр, 2012
- Шодем Г.* Основные течения в еврейской мистике. Т. 1-2. — Тель-Авив, 1984.
- Юнг К.Г.* Бог и бессознательное. М 1996.
- Brown Keven.* 'Abdu'l-Bahá's Response to the Doctrine of the Unity of Existence. Journal of Bahá'í Studies, 11:3-4, pages 1-29 — Ottawa: Association for Bahá'í Studies, 2001
- Deikman, A.J.* Bimodal consciousness and the mystic experience, In: Symposion on consciousness, New York, 1976, P. 67-88
- Deikmann A.J.* I-awareness. // Journal of Consciousness Studies, 3, № 4 1996, P. 350-356.
- Gimello R.* Mysticism in its contexts // Mysticism and religious traditions. P. 85.
- Jones L.* The Mystic Cup: The Essential Mystical Nature of the Bahá'í Faith - Lights of 'Irf án Article// English language. — 2010 - pp. 69-81
- Heiler F.* Erscheinungsformen und Wesen der Religion, Stuttgart, 1961.
- Hollinger R.* "Wonderful True Visions": Magic, Mysticism, and Millennialism in the Making of the American Bahai Community// Search for Values: Ethics in Bahá'í Thought, Los Angeles: Kalimat Press, 2004
- Katz S.T.* Language, epistemology, and mysticism // Mysticism and philosophical analysis / Ed. by Katz S.T. N.Y.: Oxford University Press, 1978. — P. 26, 59.
- Kavian Sadeghzade Milani.* The Mystical Dimensions of the Bahá'í Administrative Order. - Lights of 'Irf án Article// English language. — 2011 - pp. 95-106
- Keller K.A.* Mystical literature // Mysticism and philosophical analysis. P. 78, 96–97
- Lample P.* Creating A New Mind. Reflections on the Individual the Institutions & the Community. — Florida: Palabra Publications 1999
- Leuba J.H.* The psychology of religious mysticism. London New York 1925.
- McGinn, Bernard.* The Foundations of Mysticism. New York: 1991 — Crossroad
- McLean Jack.* Correlating Mystical Experience to the Knowledge of God. - Paper presented to the Irfán Colloquium, Louhelen at Bahá'í School, Davison, Michigan, October 2000
- Momen Moojan.* Abdu'l-Bahá's Commentary on the Islamic Tradition: 'I was a Hidden Treasure ... — Bahá'í Studies Bulletin 3. 4 (1985): 4–37.
- Momen Moojan.* Bahá'u'lláh's Tablet of the Uncompounded Reality (Lawh Basít al-Haqíqa). — Abhá: A Journal of Bábí-Bahá'í Studies 1.1 (1997): 1–15
- Momen Moojan.* Mysticism and the Bahá'í Community // Lights of 'Irf án Article, 2007 — P. 107-120
- Momen M.* Phenomenon of religion. A thematic approach. — Oxford: Oneworld Publications, 1999 — p.626
- Momen Moojan.* The Bahá'í Faith. A Beginner's Guide. — Oxford: Oneworld Publications, 1997

Pratt J.B. The psychology of religious belief. N.Y.: The Macmillan Company, 1907. P. 72, 163, 226–227, 304.

Ralph Inge, William. Christian Mysticism — Montana, USA: Kessinger Publishing Company, 2014 — P. 5

Savi Julio. The Baha'i Faith and the Perennial Mystical Quest: A Western Perspective. - Baha'i Studies Review, Volume 14. - Intellect Ltd. - 2007 Article// English language. – pp. 5-22

Stace W.T. Mysticism and philosophy. L.: Macmillan, 1960. P. 15, 31–35, 1

Tiryakian E. Toward the Sociology of Esoteric Culture // American Journal of Sociology. – 1972 – №78. – цит. по М.В. Бекарюков. Социокультурный феномен эзотерики // Журнал Известия АГУ. – Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2010 - 169-173 стр.

Troeltsch E. The Social Teaching of the Christian Churches. London: Allen and Unwin, 1931

Электронные ресурсы

Всемирный Дом Справедливости. Послание бахаи всего мира в Ризван 1993 года. // URL: http://bahaiarc.org/collections/bibliography-b/parabahai/109-uhj/ridvan_messages/2213-ridvan-1993 (Дата обращения 03.05.2017)

Всемирный Дом Справедливости. Послание бахаи всего мира в Ризван 2009 года. // URL: http://bahaiarc.org/109-uhj/ridvan_messages/358-ridvan-2009 (Дата обращения 03.05.2017)

Всемирный Дом Справедливости. Послание бахаи всего мира в Ризван 2010 года. // [URL]: <http://bahaiarc.org/41-uhj/1913-ridvan-2010> (Дата обращения 03.05.2017)

Как привлечь к себе деньги и удачу. Тренинг по привлечению денег // URL: <http://kurs555.ru/avtory/magiya-mistika-ekstrasensorika/kak-privlech-k-sebe-dengi-i-udachu.html> (Дата обращения 17.06.2017)

Макгинн Бернард. Мистический союз в иудаизме, христианстве и исламе / Пер. с англ. Т.В. Малевич// URL: <http://religious.life/2012/01/misticheskij-soyuz-v-iudaizme-hristianstve-i-islame/> (Дата обращения 03.10.2016)

Тренинг "Деньги — ваши друзья?". Между Мистикой и Психологией // URL: https://samopoznanie.ru/trainings/dengi_vashi_druzya/?date=53068 (Дата обращения 17.06.2017)

Хорнби Хелен. Светочи руководства. Парапсихологические явления/Пер.с англ. В.Чупин // URL: <http://chupin.ru/bahai.ru.library/library/Compilations/psychic.html> (Дата обращения 15.04.2017)

Эффенди Шогги. Община бахаи России. — Централизованная религиозная организация "Община последователей веры Бахаи в России", 2017 // URL: <http://bahai.ru/duhovnaya-jizn> (Дата обращения 21.05.2017)

Effendi Shoghi. Message of the Universal House of Justice from 26 November 1986 to NSA // Bahá'í Reference Library. Messages of the Universal House of Justice // URL: http://www.bahai.org/library/authoritative-texts/the-universal-house-of-justice/messages/#d=19861126_001&f=f1-9 (Дата обращения 30.09.2017)

Stockman R. The Writings of the Bab. A Survey Based on English Language Sources. // URL: http://bahai-library.com/stockman_writings_bab (Дата обращения 30.06.17)